Валерий ХАТЮШИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

Стихотворения
1993 — 2012

Эпиграммы, пародии, экспромты
Переводы

Москва
«Голос-Пресс»
2013

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Х-25

Во второй том Собрания сочинений Валерия Хатюшина вошли стихотворения, написанные с 1993 по 2012 год, а также эпиграммы, пародии, экспромты и переводы, впервые объединенные в одном издании.

Валерий Хатюшин
Собрание сочинений. Том второй. М.: Голос-Пресс. 2013. — 576 с.

ISBN 978-5-7117-0689-2

© В.В. Хатюшин. 2013
© Издательство «Голос-Пресс». 2013

* * *

Кому нужны твои стихи?
Кому ты нужен сам?
У человечества глухи
сердца, к твоим словам.
Беги, судьбу не торопя,
от всех ничтожных пут
и помни: в жизни все тебя
однажды предадут.
Забудь про всех. Не жди любви.
Наедине с собой
храни печаль в своей крови,
одной живи мечтой,
той, где спокоен ты, любя
души бессвязный бред...
И если пишешь для себя —
ты лишь тогда поэт.

9 сентября 1993

* * *

За всю любовь — отплатится злословьем,
за всё добро заслужишь ты укор...
Но пусть в ночи над детским изголовьем
сияет снов лазоревый узор.

Не жди себе людского оправданья
за каждый шаг свой мести вопреки,
но дай ребенку миг очарованья
закатом солнца, радугой реки.

Смирись и с тем, что все твои обиды,
чужую подлость, зависть и обман
простишь ты молча, не подавши вида,
скрыв от людей рубцы сердечных ран.

Коль вся несправедливость жизни этой
тебя обложит вражески кругом, —
не озлобляйся, на судьбу не сетуй
и не ищи сочувствия ни в ком.

Пусть даже чья-то мелкая душонка
твой дом наполнит смрадом долгих дней...
Тоска в глазах и дрожь в руках ребёнка
куда несправедливей и страшней.

11 сентября 1993

УШЕДШАЯ РОДИНА

Дочь моя,
родилась ты в Советском Союзе,
лишь три года ты в нём пожила.
Об огромной стране как о тяжкой обузе
нам безродная нечисть лгала.

Да, мы Родины нашей тогда не ценили,
к морю южному мчась без труда.
Мы, как блудные дети, семье изменили,
и пришли к нам нужда и вражда.

Ты услышишь не раз как о сказочном чуде
об ушедшей Отчизне своей.
Той великой страны больше нет и не будет.
Много раз мы поплачем о ней.

Мы свободными были, спокойно общались,
всех нас праздник за стол собирал...
Мы с червонцем в кармане
на поезде мчались
хоть на запад и хоть за Урал.

Не смогли удержать мы бесценного груза
ясных лиц и открытых дорог...

...Я стоял на земле пограничной Союза,
и Балтийское море плескалось у ног...

12 сентября 1993

КРЕПОСТЬ

Нас чёрный ангел порчей метит,
а бесы мерзостью гнетут,
но солнце наше ярко светит
и реки русские — текут.

Нам ночь Иуды множит слёзы,
но брезжит утро впереди,
шумят высокие берёзы
и грозовые льют дожди.

Пока затмение народа
идёт по русским городам,
родная, умная природа
не даст с земли исчезнуть нам.

Нет, никакая в мире нечисть
из нас не вытравит людей,
пока звенит в траве кузнечик
и душу лечит соловей.

За помраченьем и развалом
нас ждёт весенняя страда...
Издохнут Меченый с Беспалым,
но Русь не сгинет никогда!

12 сентября 1993

* * *

Я ждал, что мрак с души спадёт,
отхлынет зло устало...
Душа молчала целый год,
затравленно молчала.

Слова бессмысленны, когда
ни дня не ждёшь, ни ночи,
когда вселилась в дом вражда
и уходить не хочет.

Всё безотрадней, всё черней
мне стены дома были,
сухие слёзы этих дней
любую мысль глушили.

Чтоб сердце как-нибудь унять,
я шел в ночную слякоть —
не размышлять, не сочинять,
а просто молча плакать...

15 сентября 1993

* * *

Ну что же мне делать осталось
теперь в этой горькой стране?..
Какая большая усталость
пришла безнадежно ко мне!

Какие опутали цепи,
сковав по рукам и ногам!
...Землёю глаза мне залепит
идущий за мной по пятам.

Злой дух не допустит покоя, —
чтоб сердце томилось в тоске,
чтоб долгая тяжба со мною
закончилась дыркой в виске...

18 сентября 1993

АЛЁНЕ

Прости мне, дочь, я не узнаю,
кем буду в жизни для тебя,
когда уйду к иному краю,
единственно, кого любя.
Единственно, кто остаётся
моей кровинкой на земле,
в ком память об отце проснётся
в сердечном ласковом тепле.
Ты не суди меня жестоко.
Твоя судьба с моей срослась.
Моя печальная дорога
ещё с твоей не разошлась...

18 сентября 1993

4 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА

На улицах лица бесцветны и хмуры,
и снова над Родиной мрак диктатуры.
Ни русского клича, ни русских газет.
Затменье России на множество лет.

Опять нас они, как детей, обыграли,
и русские танки по русским стреляли.
И мерзко, и горько до слёз на душе.
Ужель никогда мы не встанем уже?

Ужель мы всё пропили и проболтали?
Быть может, последних, кто — мог, расстреляли...
Последних бойцов *беспредельной* страны...
И нет у рабов осознанья вины.

4.10.1993

РАССТРЕЛ

И армия ушла, оставив нас одних...
1991 г.

Так ждали мы!.. И армия пришла...
Чтоб в нас убить последние надежды.
Страну, народ, как прежде, — предала,
в позоре пребывая, как и прежде.

Пока мы плачем, нам спасенья нет.
В пустых словах не может быть спасенья...
Ещё мы вспомним это воскресенье,
когда восстанем через сотню лет.

Нам распрямиться не дадут скорей...
Но не простятся ни за что на свете
расстрелянные женщины и дети
и названные бандой дикарей.

4 октября 1993

ПРОКЛЯТЬЕ

Язык — он будет вновь немым.
1991 г.

Ну вот и опять нас везде запретили.
Нам лучшее место, как прежде, в могиле.
В России положено русским молчать.
Такая нам выдана ими печать.

Уже мы остались без Родины вроде.
Копаемся тихо в своем огороде.
Не дай Бог — услышат, не дай Бог — придут...
Помилуй нас, Господи, — что-то найдут...

Нас так запугали партийным диктатом,
что страшно не в ногу шагать с демократом,
так долго стращали нас тридцать седьмым,
что мы вот теперь в девяностых — молчим.

«Не дай Бог, вернутся опять комиссары», —
внушали нам долго, покуда *бейтары*
всё в тех же кожáнках к нам в дом не пришли...
Склонили мы шею опять до земли.

И полнится, полнится рабским молчаньем
страна перед новым своим окончаньем,
и копится в душах разбуженный страх,
и светятся слёзы в уставших глазах.

О русская, полная горя равнина!
Такая нам выпала в мире судьбина —
под властью Иуды терпеть и стонать,
и глухо рожденье своё проклинать...

5 октября 1993

ВОЙНА

В детских померкших глазах —
слёзы, налитые кровью...
Азербайджан, Карабах,
Грузия и Приднестровье.

В чёрном затменье страна.
Зомби рычат озверело.
Танки, ОМОН, ордена,
трупы, проклятья, расстрелы.

Горя немереный груз...
Бледные, скорбные лица...
Там, где разорван Союз,
кровь человечья струится.

Октябрь 1993

* * *

Что говорить, когда в душе — проклятья,
когда забыты радость и любовь,
когда пусты слова: «все люди братья»,
когда не вся с асфальта смыта кровь,
когда с экранов, злобою смердящих,
рычат подобья человечьих лиц,
когда поносит русских телеящик
и награждают золотом убийц,
когда сквозь все цензурные пробелы
зияют их преступные дела...
О чём писать, когда в Москве — расстрелы,
и в куче трупов — детские тела?..

10 октября 1993

* * *

Слишком рано они улыбаются
и торопятся всё позабыть,
ни о чём не жалеют, не каются...
Нам понятна их подлая прыть.
Слишком быстро они успокоились,
как ни в чём не бывало, — опять
в новых масках и креслах освоились,
смертный страх постаравшись унять.
Все пред нами свои преступления —
верят — смогут они утаить...
Нам осталось одно утешение:
ничего никому не простить.

19 октября 1993

ЧЁРНЫЙ ДОМ

Исподлобья взгляд несмелый,
свечи и цветы кругом...
Дом Советов, белый-белый, —
разбомбленный чёрный дом.
Демократы, автоматы,
сумасшедший белый свет,
в касках русские солдаты,
пуль свистящих красный след...
Что ж вы, гады, в самом деле...
Всех расстрелянных — сожгут...
Мы стояли две недели,
в дождь и снег стояли тут.
А какие песни пели,
ёжась над костром ночным!..
Что ж вы, гады, в самом деле:
разрывными — по своим...
Бэтээры, кровь и стоны,
лиц погасшие черты...
Здесь теперь — цветы, иконы,
свечи, слёзы и цветы...
Демократы, депутаты...
Тщетно сына ищет мать...
Где ж вы, бравые солдаты?
Приходите пострелять...
Нас еще в России много —
не утративших корней,
и следят за нами строго
дерьмократы всех мастей.
Дышит смерть в их липких лапах,
встал ОМОН зверьем тупым...

Стадиона трупный запах,
белый дом как чёрный дым...

19 октября 1993

* * *

Нет, ничего, обойдётся опять,
если опять обойдётся...
Гордость, обиды — придётся унять,
скрыть эту горечь придётся.
Господи, сколько же можно терпеть
эту безумную муку?
Нечем уставшую душу согреть,
некому близко в глаза посмотреть,
сжав долгожданную руку...

8 ноября 1993

13 НОЯБРЯ 1993 ГОДА

Стояли с непокрытой головой
под высотой небесного знаменья...*
Ребят погибших день сороковой
совпал с моим печальным днём рожденья.

Сгоревший Дом — как траурная тень...
Он был ушедшим им уже не виден...
На Красной Пресне в этот скорбный день
со всеми плакал я на панихиде.

Их назывались Богу имена,
и хор церковный повторял молитву.
Я знал: на небесах идет война,
и вслед за ними — мы пойдем на битву...

Морозный снег искрился на траве,
пропитанной непокорённой кровью.
Молились мы в запуганной Москве
наперекор всевластному злословью.

Всё это было, как в тревожном сне:
мерцали свечи в хвойных лапах ели,
на стадиона каменной стене
в пробоинах от пуль цветы алели...

Они стояли здесь тринадцать дней,
и вот — ушли, оплаканные нами,
расстрелянные армией своей
за то, что не желали жить рабами.

Нас ждёт тоска немереных дорог,
нас в прах испепелят иные грозы...
Вчера закон был с нами, нынче — Бог.
И в этот день Он видел наши слёзы...

Ноябрь 1993

* В этот день над Красной Пресней многие люди были свидетелями видения в небесах образа Пресвятой Богородицы.

ВРАГИ

Каски, дубинки, щиты, автоматы...
Слёзы и кровь ветеранов седых...
Злобно глядят черномырдные хваты,
всё нам известно отныне про них.

Ведаем, сколько им дали на лапу...
Знаем подков их асфальтовый звон...
В ряд со словами «ЧК» и «гестапо»
встало фашистское слово «ОМОН».

Рожи преступные в синих беретах...
Белой колючки стальные круги...
Русские сволочи в бронежилетах —
самые подлые наши враги.

25 ноября 1993

* * *

Недолог час: моя семья,
пустой покой храня,
и даже бывшие друзья —
все предадут меня.

И это будет нам легко —
расстаться без труда,
чтоб где-то слишком далеко
жила моя беда.

И будет мне легко без них
остаться одному.
Я слов укора никаких
не брошу никому.

Забудет бывшая жена...
И не узнает дочь
о том, что где-то есть страна
с названьем тихим Ночь.

Мне поселиться в ней не жаль.
Я с нею сердцем слит.
Пусть никого моя печаль
на свете не томит.

Уйдет от них моя беда,
не нужно верить мне,
что будто — станем иногда
встречаться там во сне...

27 ноября 1993

* * *

Пусть жизнь твоя — как пастораль,
вниманьем ангельским согрета,
борьба, страданье и печаль —
предназначение поэта.

Коль не желаешь ты страдать,
печали в сердце не имеешь
и коль бороться не умеешь,
то лучше бы тебе молчать.

Все пошлые твои слова
так и останутся словами,
они, как мертвая трава,
в труху сотрутся под ногами.

30 ноября 1993

* * *

В груди опять сердцебиенье...
И кровь пульсирует в висках...
Но сверлит мозг одно стремленье —
терпя, держать себя в руках,
не дать на волю выйти гневу
и нервов дрожь с трудом унять,
души небесному напеву
в которой раз покорно внять...

24 декабря 1993

* * *

Имя сей звезде полынь...
Апокалипсис, 8, 11

Звезда Полынь, звезда печали
нас чёрной былью обожгла...
Но мы тогда не разгадали,
какую весть она несла.

Теперь мы видим, что обрушен
каркас истерзанной страны,
народ ограблен, обездушен,
у власти — слуги сатаны.

Но оскорблённая стихия
рассеет дьявольскую рать.
Для князя тьмы сама Россия
звездой Полыни может стать...

31 декабря 1993

* * *

Как пережить мне этот новый ад,
где столько прежней силы взять — и выжить,
теперь, когда дороги нет назад,
когда последний свет из сердца выжат?

Уже, быть может, больше никогда
не знать мне чувства радости земного.
Вся жизнь моя — протяжная беда.
Я ничего не должен ждать другого.

И даже эта ненависть ко мне
своих с чужими — более не ранит.
И этот мрак на сердце и в стране
пусть для кого-то сладкой песней станет...

4 января 1994

ИЗГОЙ

Лишь голосу неба послушен,
средь моря людского — изгой,
смешон, одинок и не нужен,
поэт в этой жизни — чужой.

Дитя беспризорное света —
на мир этот грустно глядит...
Печальное сердце поэта
гармонию неба хранит.

Он время грядущее знает,
но там — утешения нет...
Звезда в небесах угасает,
когда погибает поэт.

Пришелец из мира иного,
он в этом бездушье пустом
погибнет от сердца больного,
а пуля — настигнет потом...

22 января 1994

ИСПЫТАНИЕ

Одни живут на свете для блаженства,
другим дается жизнь как испытанье.
Лишь та душа достойна совершенства,
что в этот мир приходит для страданья.

Но бытие земное нам даётся
не ради прав пустых, а ради правды.
Чинам, богатству смерть в глаза смеётся,
и перед нею все мы равноправны.

Мы загрустим, бывает, осторожно,
вдруг замолчав на чьей-то пьяной тризне...
Да, этой жизни смысл познать возможно,
но только — там...
Лишь за пределом жизни.

23 января 1994

* * *

Твой пятилетний звонкий голосок,
твой нежный лепет
я слышу, отчужден и одинок,
в квартирном склепе.

Ты подрастала на моих руках,
родная нежность,
и рос в душе неумолимый страх,
как неизбежность...

Меня в пять лет отторгли от отца.
Я плакал горько...
В тот миг я словно видел до конца,
я чуял, сколько

мне в сердце и на плечи бросят мук
чужие люди,
и рядом добрых глаз и крепких рук
ничьих не будет.

Теперь от сердца оторвали дочь
(судьба — по кругу...),
чтоб не сумели мы ни в чём помочь
уже друг другу...

13 февраля 1994

* * *

Это будто бы чьё-то пророчество
влилось в кровь, навсегда закляня...
Чувство жгучей тоски одиночества
с детских лет опалило меня.

Как бы сердце свое ни раскачивал,
я ни в чём позабыться не мог,
и на что бы себя ни растрачивал —
разрастался душевный ожог.

Чьи-то руки и лица приблудные
были часто ненужно-близки...
Все загулы мои безрассудные,
все несчастья — от этой тоски.

Может статься, от света немилого
в снег кровавый уткнусь я виском...
Но боюсь, что от чувства постылого
не избавлюсь и в мире ином...

28 февраля 1994

* * *

Лишь только к снежным далям убегу —
и на душе уже чуть-чуть светлее.
Когда играет солнце на снегу,
тогда и жизнь становится милее.

И вот уж след простыл вчерашних слёз,
и дышит мир вокруг очарованьем,
когда последний мартовский мороз
окрасил день пронзительным сияньем.

Так хочется уйти в поля и в лес
и всё успеть увидеть и запомнить,
пока ещё белым-бело окрест
и синевой атласною небес
наполнить грудь пока ещё легко мне...

2 марта 1994

ВИДЕНИЕ

Последний снегопад дорогу заметает,
засыпаны по грудь колючие кусты,
снег мартовский скрипит и всё еще не тает,
а белые поля — безмолвны и пусты.

Ещё приход весны ничем не обнаружен,
и всё ж она уже мне душу теребит.
Неясный, нежный звук уже в душе разбужен —
томительно зовет, волнует и знобит.

И я иду в поля, где белизна и ветер,
где есть простор глазам и чувствам без границ,
где белый свет земной настолько чист и светел,
что растворяет цвет далеких глаз и лиц.

Но полнится в груди горячее волненье,
и тот знобящий звук в ней незаметно стих...
А в небесах дрожит неясное виденье —
средь белых облаков на крыльях золотых.

Как птица над водой, оно крылами плещет,
оно, слепя, блестит сквозь воздух голубой,
и вот уж надо мной — как бабочка, трепещет,
и упадает в снег застывшею слезой...

7 марта 1994

ОТРАЖЕНИЯ

Стемнело быстро, хоть ещё не поздно.
И сразу стало так тревожно мне.
Сквозь облака проглядывают звёзды,
забытые в столичной толкотне.

Как тихо здесь наедине с собою.
Лишь к сумеркам часы стучат слышней.
Казалось, что теперь я успокоюсь
от всех безумств прошедших горьких дней.

От всей вражды, от мелкого раздора
я скрылся в лоне грустной тишины,
чтоб не проклясть осточертевший город,
чтоб не смотреть на казнь своей страны.

Но не унять в висках сердцебиенья,
и давит горло спазм глухой тоски.
В окне тех дней витают отраженья —
так, что от глаз не оторвать руки...

Но даже и закрыв глаза рукою,
ещё подробней вижу и острей
и дым пожара над Москвой-рекою,
и дочки взгляд, летящий вслед за мною,
и ужас лиц расстрелянных детей...

9 марта 1994

* * *

Март за окном, а мне, как прежде, грустно.
Ну что ж, вот я и зиму пережил...
В вечернем небе пасмурно и пусто,
лишь лай далекий тишь разворошил.

Качает ветер сонные березы.
Унылый день метельной мглою смят.
Какие нам назначенные грозы
над головою вскоре прогремят?

Они взорвутся, может, слишком громко,
но я услышу всем своим чутьём,
как шелестит летящая поземка
под одиноким тусклым фонарём.

И мне для сердца большего не надо.
Пусть под окном трепещет вербы куст.
В моей судьбе мне всё же есть награда —
вот эта тишина и эта грусть...

10 марта 1994

УЗДА

Нам в спину веет холодом могилы
и застилает лица тень беды.
Где для борьбы мы сможем черпать силы
в потоке лжи, коварства и вражды?

Бывает, небо кажется с овчинку,
и счёты с жизнью ты свести готов.
Но помогает русская глубинка
спастись от помраченья городов.

Провинция, покинутая нива!..
Прощая всем нам отчужденья лед,
она к себе зовет нас терпеливо,
как сына мать — из года в год нас ждет.

Ее не слыша голоса родного,
себя впрягли мы в смертную узду.
На миг под свет распахнутого крова
примчим, вокруг посмотрим бестолково
и, отхлебнув живой водицы, — снова
сбежим в обман, коварство и вражду.

10 марта 1994

ВЛАСТЬ

...Она октябрьской смутной ночью
под грохот выстрелов пришла,
и все увидели воочью
ее кровавые дела.
Она, порвав страну на клочья,
себя на гибель обрекла
и вся в крови октябрьской ночью
под грохот выстрелов — ушла...

11 марта 1994

* * *

Какая казнь придёт к тебе —
перед концом не слишком важно.
Нет, ничего уже не страшно,
когда всё рушится в судьбе.

Мне ничего теперь не жаль —
того, что было и что будет...
И пусть ни в ком моя печаль
другой печали не разбудит.

23 апреля 1994

* * *

И останется всё как было
На земле, не для всех родной...
Н. Рубцов

Все хотят в этой жизни счастья —
на земле, не для всех родной...
Но бессмысленно ждать участья
тем, кто плачет в толпе людской.

Все мы в мире земном одиноки,
каждый молча в себе таит
и желаний своих пороки,
и нарывы долгих обид.

Знают многие: слишком остро
бьётся в сердце ночей игла...
Человек — беззащитный остров
в океане вражды и зла.

В этом мире родную душу
не ищи — всё равно не найдёшь.
Позабудь обо всем и слушай,
как шумит за окошком дождь.

Все умрем в суете унылой,
боль свою затая в груди.
И над каждой забытой могилой
будут вечно шуметь дожди.

12 июня 1994

* * *

Как светлы берёзы на снегу!
Ветви блещут белой паутиной...
Может, в сердце я перед кончиной
образ только этот сберегу.

Как спокойно и легко в лесу!
Здесь уходят все мои печали.
Может, я с собой в иные дали
только это чувство унесу.

Пустоте унылой день за днём
придаем значенье мы безбожно
и упорно суете ничтожной
жизнь свою без грусти отдаём.

Всё бежим куда-то за толпой
в городском гудящем хороводе...
И когда последний час приходит —
что́ навеки можем взять с собой?

Без труда со всеми я прощусь.
Но мелькнёт в паденьи лист осенний...
За пределом жизни на колени
лишь пред ним я молча опущусь.

1994

* * *

Проходит холодное лето,
дождём по асфальту шурша.
И день ото дня без просвета
всё плачет и плачет душа.
Ей некому выразить горечь
томительно длящихся дней.
Уже и не горечь, а горе
освоилось в жизни моей.
Надолго оно поселилось
в моих беспросветных стена́х,
от злобы чужой воспалилось,
посеяв унынье и страх.
Как тёмные низкие тучи,
грозящие скорой грозой, —
устало исход неминучий
висит и висит надо мной.
Он скоро, конечно, прорвётся,
неясный еще никому,
и ливнем жестоким прольётся,
меня увлекая во тьму.
И нет на земле человека,
к кому я прильнул бы душой.
Она, как у церкви калека,
взирает на небо с тоской.
Ей всё в этой жизни постыло,
над нею звезда не взойдёт,
она в ожиданье застыла,
но светлой минуты не ждёт...

22 августа 1994

* * *

Может, кто-то помолится в храме
о душе беспокойной моей...
Кто-то жаждет в московском бедламе
расквитаться со мной поскорей.

Всем обиды свои — прощаю,
но злословьем повит всё равно.
Слишком многим я в жизни мешаю,
сторонящийся многих давно.

Носит ветер недобрые вести
обо мне средь оставшихся дней...
Я уже не избавлюсь от мести
и врагов, и фальшивых друзей.

Непокорного сердца горенье
и еще не померкший мой взгляд,
и печали моей озаренья
мне они никогда не простят.

12 ноября 1994

ТРУСОСТЬ

Давно нам известна трамвайная грубость,
мы к хамству привыкли, куда ни придёшь.
Но русская трусость и русская тупость
затмили жидовскую наглость и ложь.

Нам поздно и мало теперь возмущаться,
нас русская сволочь и грабит, и бьёт,
уже от своих мы должны защищаться,
пока демократ торжествует и врёт.

И тщетно России мы ждём воскрешенья
в торгашеской давке и пьяной гульбе.
Не будет нам высшего в жизни прощенья,
покуда мы трусость прощаем себе.

24 ноября 1994

* * *

И с чувством нежным, и с мечтой
так жаль бывает расставаться...
Мне, видно, задано судьбой —
влюбившись, разочароваться.

Любая радость бытия
грозит душевным омраченьем...
И эта ласковость моя
чревата скорым отчужденьем.

Дрожащих пальцев сладкий хруст
и стон любви — неописуем...
Но холод безразличных уст
сквозит за каждым поцелуем.

В чужих глазах, в чужом плену,
за слёзы близкие в ответе,
я всё искал ее одну,
но, может, нет ее на свете.

Иль всё же где-то есть она,
проходит мимо незаметно...
Любовь глубокая — грустна
и слишком часто безответна.

Она, как опиум в крови,
тоску похмельную умножит...
О том, что счастья нет в любви,
скажу лишь я один, быть может.

31 января 1995

Г О И

Нас вихри смертные кружили,
и долго им ещё кружить...
Мы десять лет страну крушили
и до таких времён дожили,
что лучше вовсе и не жить.

К стране безжалостны мы были,
за что же нас теперь жалеть?
Глуша тоску, мы вусмерть пили...
Как ныне нам восстать из пыли,
чтоб в чёрном вихре не истлеть?

Страны великой отщепенцы,
с души отвагу соскребя,
мы стали вдруг непротивленцы...
Но показали нам чеченцы,
как нужно драться за себя.

Победы дедовской подранки,
врага не признаем в упор.
Мы на словах умны по пьянке,
но поджигать, как свечки, танки
не научились до сих пор...

С годами дурь свою утроив,
ни в чём не ведая вины,
не патриоты, не герои,
трусливо ждём чего-то, гои,
мы — население страны...

31 января 1995

ВЕЛЕНЬЕ ВРЕМЕНИ

Молчи, бессмысленный народ...
А.С. Пушкин

Одно стремленье нас ведёт
во тьме всеобщего бедлама,
одно желанье сердце жжёт:
избавить Родину от срама.
Покуда ВОР с экрана врет
о скором нашем процветанье,
молчит бессмысленный народ,
отдав страну на поруганье.
Ему уже на всё плевать,
ему бы тихо отсидеться,
да спекульнуть иль своровать,
дешёвой водочкой согреться.
Но должен каждый патриот
услышать времени веленье:
пока он смело не сожмёт
в своих руках гранатомёт, —
никто не даст нам избавленья.

1 февраля 1995

ПОЛЫНЬ

Как дышится легко в полях широких этих!
Как радостно идти средь этих белых нив!
От сердца отведя все горести на свете, —
шагать и напевать себе простой мотив.

Искристые снега под ярким солнцем блещут,
уснувший лес застыл в безмолвии своём...
Могу я наконец, вздохнув, расправить плечи,
и в пережитых днях не помнить ни о чём.

Морозный тихий день январским светом залит,
на землю небосвод льет голубую стынь,
осколок льда блестит, как будто он хрустальный,
в сугробах чуть дрожит унылая полынь.

Полынь дрожит в снегу, как тонкая полова,
тревожно теребя тоску в груди моей...
Я опускаю взгляд, я не желаю снова
невольно пробудить печаль ушедших дней.

Сияет ясный день, и снег хрустит искристый,
в глазах уже рябит от белизны берёз...
Я долго шел сюда своей дорогой мглистой,
так пусть душа моя здесь отдохнет от слёз...

2 февраля 1995

* * *

Не надо признаваться мне в любви,
не нужно обжигать огнём соблазна,
в моей тоской отравленной крови
горчайший ток пульсирует бесстрастно.

Зачем тебе моих печалей груз?
Ты завтра будь такою же хорошей,
оставь их мне, и краткий наш союз
пусть не томит тебя чужою ношей.

Мы эту лёгкость чувств должны хранить,
чтоб никогда друг друга ненароком
ни в чём не обмануть, не обвинить
и не обидеть ни одним упрёком.

Мне б так хотелось искренней душой
во всём тебе спокойно открываться
и чтоб при встрече мы могли с тобой
не опускать глаза, а улыбаться...

5 февраля 1995

РУССКИЕ БОМБЫ

Кружа́тся чеченцы в предсмертном дурмане...
Столица измены — в мятежном огне...
Того, что мелькает на телеэкране,
мы в самом кошмарном не видели сне.
Стираются в памяти многие беды,
но мы не забудем уже никогда,
как яростно через полвека Победы
бомбили российские города.
Поверив безродным лжецам безрассудно,
обрекшие молча страну на разгром,
живем мы в кромешном театре абсурда,
а в стенах кремлевских — закрытый дурдом.
А в городе Грозном на улицах узких
негрозные танки уныло дымят,
а в городе Грозном на улицах русских —
безглазые трупы российских солдат.
А в Грозном в подвалах — голодные дети,
от русских снарядов спасенья им нет.
Ну кто им в кремлевском дурдоме ответит,
зачем их родили на божеский свет?
Чеченская пуля и русская пуля,
как ветер, в оконных проёмах свистят.
Чечня и Россия в кровавом разгуле
друг дружке за всё наболевшее мстят.
Отмщенья полны ингуши и абхазцы...
Закружит свинцовая всех круговерть...
В борделях московских гуляют кавказцы,
а в Грозном гуляет по улицам смерть.
В бесовском коварстве чьего-то расчёта
мы ввергнуты все в неосознанный ад...
И Грозный штурмует морская пехота,
и русские бомбы на русских летят...

6 февраля 1995

* * *

Этой ночи луна золотая
и сияющий снег под луной,
неприкаянный взгляд согревая,
мне подарят последний покой.

Будет город беззвёздный и смрадный
душу в адские муки ввергать,
будет пламя тоски беспощадной
грудь мою день за днём прожигать.

В этом городе горьком и страшном
без любви я останусь один,
в этом мире чужом и продажном —
не дожить до последних седин.

Но в московском отчаянье грешном
мне приснится земли уголок,
где в просторе полей белоснежном
я от скверны очиститься мог.

Где рассеялась нервов усталость,
где сейчас ясной ночью бреду...
Вот и всё, что для сердца осталось,
с чем в иную обитель уйду.

И в нездешнюю даль увлекая,
мне напомнят о грусти земной
в звёздном небе луна золотая
и сияющий снег под луной...

15 февраля 1995

* * *

Как жизнь людская безотчётна!
Зачем она дается нам?
К чему мы отданы бессчётно
ее погибельным волнам?

Всё то, что в ней приобретаем
и так старательно храним,
не принимает тьма пустая,
куда мы каждый день спешим...

Но велика ль за этой тьмою
цена земных неясных лет?
И даже кажется порою —
в них никакого смысла нет.

Но время суть свою скрывает,
разумность в ней, конечно, есть.
Не всё бесследно истлевает,
не всё мы оставляем здесь.

Пусть мы теряем безутешно
всё то, что слишком берегли,
но встретим там, за тьмой кромешной,
то, что валялось тут в пыли...

18 февраля 1995

* * *

В подмосковных безмолвных полях
ветер носит поземку кругами,
и подтаявший снег февраля
монотонно хрустит под ногами.

А над Рузой-рекою холмы
поднимаются к серому небу.
Сникли краски прощальной зимы
отрешённым глазам на потребу.

Ветер в соснах высоких шумит,
пробуждая в сознанье былое,
он, как старая песня, таит
всё далекое и дорогое.

По тропинке над быстрой рекой,
по ее незамерзшим извивам
я бреду, и души непокой
улетает за облаком сивым.

Неистраченной силой своей
речка чёрная манит куда-то,
так и шел бы и шел бы за ней
средь холмов и полей — без возврата...

20 февраля 1995

* * *

Мои безумные загулы —
от безысходности больной.
Но слышу я иные гулы
над обречённою землей.
Мне всё слышней иные звуки,
я вижу свет иного дня...
Но горький бред сердечной муки
в разгульный мрак влечёт меня.
Всё, что имею, — пропиваю
в сплошном отчаянье своём,
мозги и душу убиваю
и не жалею ни о чём.
И в лихорадке дней постылых,
не в снах иных, а наяву
понять я сам уже не в силах,
зачем и чем еще живу...

4 июня 1995

* * *

Вечерний свет объял небесный запад,
как бы застыл малиновый закат,
в полях витает трав дурманный запах,
и тихо так, что листья не дрожат.

Заря кипящей лавой расплескалась,
туман слегка подкрасив над рекой...
Душа моя, ну что ж ты растерялась
средь пошлости и подлости людской?

Конечно — горько, больно, одиноко...
Но ведь тебе давно не привыкать...
Да, человечий мир нас бьет жестоко,
но лучше ль было этого не знать?

Такая нам с тобой за жизнь расплата,
и в том, душа, неправедности нет.
Мой грустный друг, давай не будем плакать,
а поглядим на этот тихий свет.

Он, может быть, и есть тот миг счастливый,
что ожидали долго мы с тобой, —
вечерний свет над нивой молчаливой,
дарящий нам надежду и покой.

12 июня 1995

* * *

Летнее небо ночное,
всплески далёких огней...
Время мое золотое
скрылось в распутице дней.
Вспомню на миг и забуду
детства весёлый простор.
Сердца больная остуда
пристальный гасит мой взор.
Что же так хочется плакать?..
Господи, дай же мне сил
выжать душевную слякоть
в море небесных светил.
Дай мне во тьму не сорваться,
чтоб никогда я не мог
ни позабыть, ни расстаться
с золотом детских дорог...

17 июля 1995

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Дома, дома, дома —
пейзаж мой заоконный.
Как не сойти с ума
от трескотни бессонной?
Собачий вой и лай
и рык автомобилей,
ворон рассветный грай —
всё гуще, всё постылей.
Кастрюль, шкафов, дверей
с утра до ночи грохот,
за стенкой мерзкий хохот —
чем громче, тем мерзей.
И кухонный скандал,
и мат, и крик бессильный,
и телесериал —
опять двухсотдебильный...

18 июля 1995

* * *

Мир погряз в разврате и вражде —
светлый мир, задуманный прекрасно.
Что же мы, живя в большой беде,
множим злость и зависть ежечасно?

Став страной мерзавцев и воров,
погрузилась в мрак страна родная.
Мы под властью денег и жидов
лжём и ржём, себя уничижая.

Только хватит врать самим себе,
будто жизнь жестока беспредельно, —
в этой глупой и больной судьбе
каждый русский виноват отдельно.

Нас чеченцы режут — мы молчим,
нас кругом громят, дивясь безмолвью.
Мы раздали недругам своим
земли, русской по́литые кровью.

Доброта в наш мир не забредёт,
Красота уже не даст спасенья...
К нам прозренье, может быть, придёт
вслед за страхом самоистребленья.

Этот подлый мир не устоит.
Будет всем дарована расплата.
Русь Святую небо воскресит,
преданную русскими когда-то.

19 июля 1995

* * *

Добиваю свой век — на изломе
роковых, безысходных годов.
И в России, и в собственном доме
я живу в окруженье врагов.

Боже, как же я им ненавистен!
Сколько спеси в их глупых сердцах!
Свет печальных возвышенных истин
не в людских почерпнул я глазах.

Жизнь моя — это сплошь ожиданье
дней, что будут не слишком плохи.
Жизнь моя — это сплошь наказанье
за свои и чужие грехи.

Не услышу я доброго слова
в одинокой и грустной стране,
и душа не утешится снова
ни в любви, ни в семье, ни в жене.

И нигде не найдётся мне места,
и грехи искупить не смогу,
и русалка мне станет невестой
по ночам на речном берегу...

24 июля 1995

ИЗБИЕНИЕ

(1 Мая 1993 года)

Тех примет кроваво-алых
не накроет вражья тень...
Били старых, били малых,
русских били в этот день.

Это был не бред, не сон:
утром ласково-шафранным
им, последним ветеранам,
черепа крушил ОМОН.

...Псов лужковских посреди
мирно шла людская масса,
и хоругви с ликом Спаса
развевались впереди.

За поруганный свой край
встав под русские знамена,
шли мы на щиты ОМОНа
в тот кровавый Первомай.

Шли — под вопли бесноватых
дурократов и блудниц,
на бесхитростных плакатах —
рожи их средь ясных лиц.

Шли — к рядам каскоголовых
под прицелом «русских новых»...
Дети — с ветками берёз...
А над всеми — плыл Христос.

И они рванулись к нам
без раздумья, без заминки,

их бесшумные дубинки
крыли нас по головам.

Демократы всех веков
занялись любимым делом...
Перед танковым расстрелом
поработал мэр Лужков.

И в потоке слёз и стона
я запомнил неспроста:
там — звериный рык ОМОНа,
здесь — печальный лик Христа.

7 ноября 1995

ПРОСЬБА

Душа поникла, прежней нет отваги,
в глазах не стало бывшего огня.
Ночная лампа, чистый лист бумаги —
всё, что осталось в жизни у меня.

И седины, смотрю, уже так много.
Сжимает лоб дрожащая рука.
На сердце — прежняя тягучая тревога
и жгучая похмельная тоска.

За стенкой крик, там детский сон разбужен.
Беспечна жизнь за тонкими дверьми.
Но сам себе давно я стал не нужен,
и скучно ждать чего-то меж людьми.

Так это всё и есть судьба поэта?
Итог всех мук и мыслей, и забот?
Никто не скажет верного ответа
и от вопроса — не убережёт...

Мне от тоски уже нигде не скрыться,
не скрыть ее печати на челе...
Противно — спиться, горько — застрелиться...
Не дай мне, Господи, когда-нибудь родиться
ещё хоть раз на этой вот Земле!

15 ноября 1995

* * *

Над Россией тяжёлые тучи...
Кто нам скажет, что время пришло?..
Пьёт мужик, ожиданьем измучен,
чтобы стало на сердце светло.

В ожиданье померкла природа,
ждёт Россия, что кто-то придёт, —
и наладится жизнь у народа,
и вздохнёт молчаливый народ.

Сколько пропито в этом молчанье!
Кто-то видит свободный прогресс
в бестолковом своем одичанье,
в гоготанье
над «Полем чудес».

А в стране погибают солдаты.
Но не с теми воюют они...
Не о том говорят депутаты,
разомлев от мышиной возни.

Дети в нашем метро просят хлеба.
Веселится картавый экран.
Над Испанией — чистое небо.
Над Россией — тягучий туман...

16 декабря 1995

* * *

Когда-нибудь тоска моя уляжется
и в душу, может быть, войдет покой, —
как знать, возможно, мне тогда покажется
вся эта жизнь ненужной и пустой.

И всё, что было сердцу слишком дорого,
померкнет в долгом холоде ночей.
Бед и обид накопленного вороха
не жаль мне будет сбросить поскорей.

И то, что нынче горько до отчаянья,
что душу мне измаяло до слёз, —
я, как занозу, вырву без раскаянья,
закрыв вопрос надолго и всерьёз.

Когда-нибудь... Ну а пока сознание
мне до рассвета не даёт заснуть...
Про все переживанья-ожидания
бесстрастно вспомню я когда-нибудь.

Ну а пока — гляжу в окно рассеянно,
ещё я в жизни многим дорожу,
и места от кручины неразвеянной
я в комнате своей не нахожу...

27 января 1996

* * *

Отца и дочери печальная судьба...
Мы навсегда останемся в разлуке.
Твои, Алёнка, маленькие руки
мою угрюмость не сотрут со лба.

Терял я в жизни всех, кого любил,
кого просил и умолял остаться...
И сам — без сожаленья уходил
от тех, кто в душу норовил вгрызаться.

Но боль сердечную ничем не загасить.
Я вспомню всё, что было, по порядку:
как по ночам качал твою кроватку
и как учил ходить и говорить.

Дитя добром не связанных людей,
лишь о тебе я думаю с любовью.
Повинен я перед судьбой твоей:
не помешал войти в наш дом злословью.

Нас разлучат, и это будет мне
еще одним по жизни наказаньем.
Моя тоска усилится вдвойне,
ты станешь горькой радостью во сне
и самым дорогим воспоминаньем.

26 февраля 1996

* * *

Мне ни с кем повидаться не хочется,
не желается знать никого.
Что же я полюбил одиночество,
ненавидящий с детства его?

В этом мире грохочущем, яростном
только громкие звуки слышны.
Нелюдимым я стал и безрадостным,
потому что хотел тишины.

Мне звонки не нужны телефонные,
никаких не зову я гостей,
и в тяжелые ночи бессонные
мне спокойней с тоскою своей.

Избегаю пустого приятельства,
заклинаньям не верю ничьим.
Слишком много познал я предательства,
открываясь душою другим.

Навсегда эта горечь прописана
там, где буду свой век дожимать.
Всё вокруг будет ею пронизано...
Так, наверное, свыше предписано:
цену полной свободы познать.

29 февраля 1996

* * *

Я не знаю, зачем я пишу,
жизнь отдавший трагической лире,
отчего так безбожно грешу
в этом лживом, безжалостном мире.

Сколько было потрачено лет,
чтобы влить в безответные души
горьких мыслей спасительной свет!..
Отраженье всё глуше и глуше.

Я бессмысленно отзвука ждал
от людей по наивной надежде.
В лучший жребий я верить устал,
а в нелучшем — уверен, как прежде.

Боже мой, что ж так сердце болит!
Вот и снова растаяло лето...
Запах лиственной грусти разлит
в жёлтой дымке предсмертного света.

Где от осени спрятаться мне?!
Чем дышать в окруженье бездушном?
В бестолковой, безмолвной стране
стал я лишним, чужим и ненужным.

Да, конечно, грешно унывать,
боль свою выставляя наружу.
И совсем ни к чему открывать
спящим людям уставшую душу.

3 сентября 1996

* * *

Куда мне деваться от этой тоски
без ясного взгляда родного?..
Во мраке душевном не видно ни зги,
и выхода нет никакого.

А впрочем, наверное, всё-таки есть
единственный выход на свете...
Мои испытанья — как некая месть.
Я должен за что-то ответить.

И долго ли это продлится ещё?
И скоро ли успокоенье?
Иль так и не буду я свыше прощён
за все на земле прегрешенья?..

15 сентября 1996

МОЛИТВА

Помоги мне, Господи, помоги,
от отчаянья душу мою сбереги.

Помоги мне выжить, печальный лес,
дай надежду мне, синева небес.

Сбросить с плеч этот мрак — не хватает сил,
видно, сердце я попусту износил.

Укрепите мой дух, вековые дубы,
чтобы вырваться вновь из капкана судьбы.

Дождь и ветер, не дайте ослепнуть от слёз,
не сорваться во тьму помоги мне, Христос...

15 сентября 1996

* * *

Мой месяц ноябрь и дождливая осень
согреют мне грудь одиноким теплом,
и в тягостном небе минутная просинь
глаза затуманит, как сладким вином.

Мне горше и трепетней не было этих
для многих никчемных, неясных щедрот.
Чем были они мне на призрачном свете —
возможно, какой-то безумец поймет.

Я всё потерял, всё растратил беспечно,
что зыбко и смертно в людской беготне,
но то, что владеет душой бесконечно,
на вечные веки пребудет во мне.

28 ноября 1996

* * *

На российских просторах открыто
день за днем правит бал сатана.
Всё, чем жил я когда-то, разбито:
и семья, и душа, и страна.

Что же дальше? Какую дорогу
выбрать в страшном угрюмстве своём?
Мне осталось довериться Богу
и не думать уже ни о чём.

Все дороги свои без опаски
я прошел молодым и седым,
но ни счастья, ни искренней ласки
не нашел я под небом родным.

И теперь вот, когда угасает
свет в глазах над печальной строкой,
мне судьба на ладони бросает
новой жизни росток золотой.

Зову сердца внимаю послушно,
я еще не ослеп, не оглох...
Но зачем и кому это нужно —
мне ни Смерть не подскажет, ни Бог...

2 декабря 1996

ВЫБОРЫ ЕЛЬЦИНА

Нам здесь, как опавшей листве,
не снятся уже эмпиреи...
В продажной безмозглой Москве
опять победили евреи.

От скорби мы дышим едва.
Страна — беспредельный некрополь.
И вновь салютует Москва
тому, кто продал Севастополь.

1996

ОСТАЛОСЬ — ОДНО...

Россия стоит на коленях,
у власти — враги и жиды.
Во всех городах и селеньях —
круженье великой беды.
Такого безмерного срама
не ведала Родина-мать.
Пора откровенно и прямо
врагами врагов называть.
Пусть армия кровью умыта,
пусть отданы Крым и Кавказ, —
одна нам осталась защита
от нелюдей — каждый из нас.
Бойцам ниоткуда не взяться,
коль сами страну не спасём.
С колен мы не сможем подняться,
пока наконец не поймём:
у власти — убийцы и воры,
нам незачем чувства скрывать,
с врагами бессмысленны споры,
осталось одно...

21 декабря 1996

* * *

Уже на всё махнул рукою вроде я,
одной идее до конца служа.
Но каждый раз на грустную мелодию
зачем-то откликается душа.

Ну что ее ещё влечет к поэзии,
когда кругом предательство и ложь,
когда ищу я слово, точно лезвие,
когда цена словам — дырявый грош?

Но тихая послышится мне музыка —
и теплым светом обогреет грудь,
как будто доченька ладошкой узкою
слезу с моей щеки смогла смахнуть...

22 декабря 1996

ВСЁ ПОЗАДИ

Себе сказал я: всё прошло,
не обольщай себя надеждой,
в груди последнее тепло
не сохранить любой одеждой.
Оно уходит навсегда,
и станет сердце безответно;
во мгле безлунной, безрассветной
из туч не выглянет звезда.
В тени угрюмства своего
замкнусь, уставший, нелюдимый,
и в жизни этой никого
не назову уже любимой.

Мы крест несём за то, что вновь
поверили заклятьям ложным.
Надежда, Родина, любовь
расстреляны в недавнем прошлом.
В душе мечта истреблена,
страна великая распалась,
и только ненависть одна
в крови бестрепетной осталась.
Теперь не стоит ни рожна
всё, что вчера звучало гордо.
Разгромлена моя страна,
унижена, оскорблена.
Что делать мне — я знаю твердо.

24 февраля 1997

* * *

Нас убивают каждый день,
бьют чем попало,
чтоб мы в свою свернулись тень,
чтоб нас не стало.
За то, что всех спасали мы,
нас все не любят,
и самых стойких дети тьмы
под корень рубят.
Мы никому здесь не нужны —
на подлом свете,
и Люциферовы сыны
тавром нас метят,
чтоб легче было убивать
в молчанье общем.
Мы подчинились им опять,
мы вновь не ропщем.
Нам так легко принять за честь
призыв к терпенью.
И мало тех, в ком воля есть
к сопротивленью.
Как много тех, кто уповал
лишь на молитву...
Нет никого, кто бы призвал
народ на битву.

26 февраля 1997

ВЕСЕННЕЕ СОЛНЦЕ

Под солнцем весенним дорога блестит,
скользят, разъезжаются ноги,
и, радуя сердце, щемяще хрустит
подтаявший снег на дороге.

И светится лес, и плывут облака,
и с шумом колышатся сосны,
и мне улыбаются издалека
мои неизбывные вёсны.

Вчера я бродил в этих белых полях
потерянный, лишний, угрюмый...
А нынче в звенящих, упругих лучах
растаяли горькие думы.

Гуляет за воротом ветер сырой —
ознобом тоску убивает.
Ну вот и опять становлюсь я собой,
и чувствую — взгляд оживает.

За хмарью тягучих, томительных дней
утихла душевная вьюга,
и, словно бы вторя улыбке моей,
лесная запела пичуга...

4 марта 1997

ПРИШЛА ПОРА

Оскорблена, унижена страна,
уделана, как девка с трех вокзалов.
Позорный мир, позорная война,
достойные ничтожных генералов.

Нет Сталина — и значит есть Чечня,
нет Жукова — и вновь еврей на троне.
Есть президент, но это всё... фигня.
Ему печёт указы вор в законе.

Лишь пауков губительных идей
рождает нам крапивная порода...
И нет среди бесчисленных вождей
бесстрашного защитника народа.

Все ждут и ждут чего-то день за днём...
Ждут, что придет неведомый мессия, —
и мы, как прежде, сладко заживём,
и всех утешит матушка-Россия.

Зарплаты ждет ограбленный народ,
ждет мыльных сериалов населенье,
шахтеры в Белый дом за годом год
просительные шлют предупрежденья.

Всем кажется, что Бог поможет нам,
и коммунисты стали верить в Бога...
Легко впитали мы любовь к врагам,
и враг стоит у каждого порога.

Защитник наш, бездумности пример,
честь и укор отвергнувший брезгливо, —

оголодавший русский офицер
в себя стреляет подло и трусливо.

Погрязшие в предательстве и лжи,
жируют в красной Думе депутаты,
а торгаши считают барыши
и вшивые столичные бомжи
обедают в помойках без оплаты...

Нет, мы отваги в сердце не нашли,
томимые неясным ожиданьем.
Нас выживают бешено с земли,
и мы смирились глухо с вымираньем.

Безвольные, — уходим в мир иной,
врагам раздав моря, леса и долы,
забыв, какой кровавою ценой
их сберегли отцы в борьбе святой,
перетерпя все смуты и расколы.

Довольно ждать, уже пришла пора
крутого слова и мужского дела.
Погоним в шею с царского двора
того, чья рожа нам осточертела!

Пора понять, где восседает враг
и от кого теперь спасать Россию...

Чтоб над Кремлем взметнулся русский флаг,
давно пришла пора собрать в кулак
мужей Руси карающую силу!

4 марта 1997

* * *

Тихий вечер, и падает снег,
неподвижны, бесшумны деревья...
Есть на свете один человек,
что мне дорог в подлунном кочевье.

Вот иду я лесною тропой
по морозному, жёсткому снегу,
и единственный образ родной
греет сердце в дороге к ночлегу.

Может быть, мы уже никогда
на земле не увидим друг друга.
Ничего... подождем... не беда:
жизнь кратка и не вечна разлука.

Там, наверное, так же, как здесь,
будет вечер и снег, и дорога...
Если там одиночество есть,
то, быть может, полегче немного.

Мы, конечно же, встретимся там,
безутешного мира скитальцы,
и прижму я к холодным щекам
эти детские теплые пальцы...

5 марта 1997

* * *

Деревья величавы и стройны,
деревья высоки и молчаливы.
В слепящем солнце молодой весны
на хвое льдинки светятся игриво.

Стоит застывший лес густой стеной.
Я молча прохожу вдоль острых елей.
Ну что же мне на сердце, как похмелье,
находит грусть высокою волной?

Сияет снег, блестят стволы берёз,
но застят свет в глазах воспоминанья.
Не высыхает след последних слёз
скупого прошлогоднего прощанья...

Не высыхает след... И тишина,
безветренная тишина лесная
напоминаний прошлого полна,
а в них живет душа моя больная.

Но только в лоне этой тишины
она, возможно, скоро исцелится,
впитает силу молодой весны
и с прошлогодней горечью простится...

9 марта 1997

* * *

Наважденьем охвачен странным,
поздней ночью стелю постель,
и меня на рассвете раннем
будит мартовская капель.

И сквозь дрёму я смутно слышу,
как синица зовет: тинь-тинь,
как всё чаще и чаще с крыши
каплет, каплет сосулек стынь.

Где-то рядом с окном открытым
дятел длинную дробь ведёт.
И теплом, уж почти забытым,
утро губы мои обдаёт.

Но тревожных предчувствий полон,
вижу снова ночные сны.
Мне известно: вернётся холод
за обманчивой ранью весны...

10 марта 1997

ТЯЖЕСТЬ

Я жил в каком-то мареве нервозном,
захваченный столичной маетой...
И вот — один брожу под небом звёздным
и тихо говорю с самим собой.

И вижу я, как мелки и бесплодны
желанья наши, чувства и дела.
Когда б мы были вечности угодны,
она бы нам значенье придала...

Вся наша жизнь — ничтожное мгновенье
пред бесконечной гулкой высотой,
как той звезды секундное паденье,
замеченное, может, только мной...

Мы в суете погрязли неизменной,
и нам давно не слышен высший глас.
Без смысла прозябаем во Вселенной,
и нужен ли весь этот мир презренный
еще кому-нибудь помимо нас?..

11 марта 1997

* * *

Алёне

Взгляд и голос на память остались
и бровей удивленный разлёт...
Вот уж год, как с тобой мы расстались,
но никак эта боль не пройдёт.

Эту горечь от всех я скрываю,
и не знает никто, отчего
до сих пор приглашать не желаю
в одинокий свой дом никого.

Видно, так предначертано свыше,
чтобы сбылся цыганки рассказ,
чтобы слов я твоих не услышал,
не увидел улыбки и глаз...

Чтобы имя не крикнул вдогонку —
сотни стен между нами стоят.
Но твой голос — записан на плёнку
и глаза — с фотографий глядят...

12 марта 1997

КОНЕЦ ЗИМЫ

Из давки метро и сырого ненастья
вдали от тоски городской кутерьмы
вхожу я по белому жёсткому насту
в последние дни уходящей зимы.
Последние дни холодов и метелей,
последние сны предвесенних ночей,
дыханье глубокое сосен и елей
и вздох облегченья продутых полей —
всё стало реальнее и ощутимей,
живее, волнительней, ярче, острей.
Я буду чувствительней, хоть и ранимей,
я буду решительней, хоть и нежней...
Глаза наполняются светом и небом,
а сердце и чаще, и громче стучит,
а небо сливается с солнечным снегом,
и ветер в ушах веселее звучит...
Вернусь обновленный с душой легкокрылой
в бессмысленный гвалт городской кутерьмы.
Но хватит ли мне этой впитанной силы
до будущих дней уходящей зимы?..

12 марта 1997

ИУДЫ

Перестроечных дел мудрецы,
вы довольны разгромным исходом?
Что же сделали вы, подлецы,
со своим неразумным народом?

Как вам дышится в «этой стране»?
Не трясутся ли ноги и руки?
Как вам спится, что снится во сне?
Где живут ваши дети и внуки?

Далеко ли вы спрятали их
от проклятий людских и презренья?
В бронирóванных тачках своих
скрылись вы от народного мщенья.

Но прощения вам не найти
в русских душах, слезами умытых.
И уже никуда не уйти
от ограбленных нас и убитых.

Ваш последний приблизится час
не от старости, не от простуды.
Мы еще доберёмся до вас
демократы, ублюдки, иуды...

14 марта 1997

* * *

Опять не умолкает под рукой
сердцебиенья гул неутешимый...
Душа больна хронической тоской,
скорей всего — уже неизлечимой.

Нет ни лекарств, ни друга, ни врачей,
что помогли бы мне в недуге этом.
Как часто поле иль простой ручей
давали исцеление поэтам!..

Но я устал, я больше не хочу
свой мрачный дух прогулками неволить.
Ни лесу, ни прозрачному ручью
не заглушить глубокой нервной боли.

Душа моя больна, и потому
о лучших днях мне говорят напрасно.
Я не тянусь на свете ни к кому.
Любить меня, наверное, опасно.

Мне радости любовь не принесёт
и жизнь мою совсем уж искалечит.

Но лишь она одна меня излечит,
когда в больную душу западёт...

17 марта 1997

* * *

Свежий воздух ночной и луна
над сияющим мартовским полем...
В первый раз молодая весна
так пьянит тишиной и раздольем.

Все печали уносятся прочь,
просыпается острое зренье...
В эту звёздно-морозную ночь
происходят во мне озаренья.

И в подлунном сиянье глаза
неземным наполняются светом,
и неведомых птиц голоса
различаются в таинстве этом.

Звёзды будут над полем кружить,
на снегу и в глазах отражаться...
И впервые мне хочется жить,
чтоб сюда иногда возвращаться.

18 марта 1997

ЧЕРНОТА

Капает, капает с крыши,
снег облепил провода,
улица сыростью дышит,
на тротуарах — вода.

Галки орут и вороны,
давят смертельной тоской,
и тополя и газоны
заполонив чернотой.

Карканий этих несносных
вытерпеть я не могу.
Сколько же их, горбоносых,
чёрных — на белом снегу...

19 марта 1997

* * *

Тишина гудит в висках,
дышит в форточку прохлада...
Ни о чём грустить не надо.
Жизнь моя — в моих руках.

За окошком валит снег,
полумрак на грусть наводит,
а часов стучащий бег
говорит, что жизнь — уходит.

И ее не удержать
ни руками, ни зубами,
за летящими часами
будет день за днем бежать.

Будет снег лететь глухой,
дождь стучать на белом свете,
будет неспокойный ветер
золотой шуршать листвой...

Снег с небес, листва в садах
будут падать, падать, падать...
Ни о чём жалеть не надо.
Жизнь твоя — в твоих руках.

19 марта 1997

* * *

Страна непроходимых дураков
развалена, разграблена, изрыта.
Остались у разбитого корыта
оравы чумовых наивняков.

Ничем не удается их пронять...
Им всё милы евреи-демократы.
Пусть нет у них ни пенсий, ни зарплаты, —
но есть свобода молча подыхать.

И не нашлось из них ни одного,
кто б объяснил по-русски демократу...
Покорно ждут дерьмовую зарплату,
и больше им не нужно ничего.

Предав страну за тридцать медяков,
никто из них об этом не жалеет.
И без вождя уже не поумнеет
орава беспросветных дураков.

19 марта 1997

* * *

Что же это происходит,
доченька моя?..
Из-под ног земля уходит
в бред небытия.

Мрак в душе стоит стеною.
День сдавила ночь.
Вот и стала ты чужою
мне, родная дочь.

Туча грозная нависла
над судьбой моей.
Я не вижу больше смысла
в сутолоке дней.

Должен я такою мерой
грех свой исчерпать.
И живу одной лишь верой
в Божью благодать.

15 июня 1997

* * *

Был я в горечи гордым и стойким,
не сгибался под грузом потерь.
Что казалось ненужным и горьким —
слишком дорого сердцу теперь.

Сердце вздрогнет от грустного вздоха,
что-то вспомнив — забьётся быстрей...
Как бы в прошлом мне ни было плохо,
это всё стало жизнью моей.

В тёмных буднях мне только осталось
о минувшем с тоскою вздохнуть...
И гнетёт неотступная жалость,
что уже ничего не вернуть,

не услышать обид оправданья,
детских пальцев к губам не прижать...
От секундного воспоминанья
невозможно бывает дышать...

24 июля 1997

ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

Куда летит наш мир?
Кому, зачем он нужен?
И долго ль ждать конца
ему в бесовской мгле?
Безумный род людской
исчадью тьмы послушен,
и праведников нет
уже на всей земле.

Орёт и ржёт эфир,
трясутся на экранах
рогатые скоты —
подобия людей,
в глазах рябит от слов
рекламно-иностранных,
и гойскими детьми
торгует иудей.

Тележки и узлы —
в метро и на вокзалах,
и каменной стеной
стоит торгашек строй.
Торгует вся страна,
торгует чем попало:
жраньём, тряпьём, дерьмом,
валютой и собой.

Весь мир погряз в деньгах.
Не Божий мир, а — биржа.
Народы и земля
сданы в жидовский банк,
богатства тайных недр
паскудный доллар выжрал,

и Запад вновь, как встарь,
кричит: «Нах Остен дранг!»

Еще не вся ему
распродана Россия,
не все истреблены
озёра и леса...
Иван-дурак иль спит,
иль пьёт, как мерин сивый,
в глазах его блестит
покорная слеза...

18 августа 1997

* * *

Мы всё стерпели, глупости в пример,
отвергнув яро даже тень рассудка.
И ни один российский офицер
не пристрелил кремлёвского ублюдка.
Нарушив клятву и служа врагам,
они теперь по-бабьи прячут лица.
В стране рабов трусливым дуракам
одно осталось — тихо застрелиться.

1997

* * *

Своей привычки старой не нарушу,
уйду от грусти в тихий листопад.
Мне лишь природа успокоит душу,
и незаметно посветлеет взгляд.

Один в прохладном опустевшем парке
присяду над озёрною водой.
Закат осенний в облаках неярких
заронит в сердце временный покой.

И словно скажут мне для утешенья
трава, деревья, тёмная вода:
«Смотри на эту жизнь без сожаленья,
ее не будет больше никогда».

Вослед за тихим голосом природы
я повторю себе и не себе:
за все под солнцем прожитые годы
будь благодарен Богу и судьбе.

И сколько б слёз ни пролил ты на свете,
какой бы горький ни проделал путь, —
ты жил на этой сказочной планете,
ты видел мир, который не вернуть.

Твоя печаль восполнится с лихвою
иною платой и теплом другим...
И если мир жестоким был с тобою,
то этим миром будешь ты любим.

1 сентября 1997

ИМПЕРИЯ

Я видел всё: и Север, и Сибирь,
и южный край, и западное море,
я испытал стремительную ширь,
я погулял в Союзе на просторе.

Я строил для страны газопровод,
я мёрз в траншее в непросохшей робе,
в степях татарских возводил завод,
который нынче больше всех в Европе.

Я научился Родину любить.
Я знал тоску солдатских серых будней...
Возможно ль мне всё это позабыть?
Как на руинах в наше время жить,
которое чем дальше, тем паскудней?

Одна лишь цель мне может силы дать,
не жалко жизни, чтоб ее достигнуть:
Империю былую воссоздать,
врагам России по делам воздать
и Храм Спасенья на Крови воздвигнуть.

3 сентября 1997

* * *

Ещё один сентябрь, ещё одно прощанье
с мерцанием листвы, с теплом ушедших дней.
Всё ближе, всё слышней унылое звучанье
гудящих проводов и ветреных дождей.

Я медленно иду по опустевшей роще,
и сладкая печаль переполняет грудь.
Я знаю, надо жить безропотней и проще,
не плакать ни о чём и не жалеть ничуть.

Прошедшее мертво, но в памяти тревожной
оно, как смутный сон, глаза туманит мне,
трепещет на ветру былинкой придорожной,
шумит ночным дождем, блестит в чужом окне...

Привычное уму коротких дней теченье
стремится изменить природы ясный лик.
О, как бы я хотел унять земли вращенье
хотя б на полчаса, на пять минут, на миг...

Далекий добрый друг, коль сможешь прикоснуться
к моим словам душой, бредущей наугад, —
тоску не береди, к тебе ещё вернутся
и запах трав лесных, и буйный листопад.

Не стоит сожалеть о промелькнувшем лете,
оно ещё не раз ворвётся в жизнь твою.
Но каждый первый луч, блеснувший на рассвете,
прими как Божий дар на гибельном краю...

Сентябрь—октябрь 1997

* * *

Чем на свете живётся труднее,
тем доступнее смысл бытия,
чем весенние ночи темнее,
тем пронзительней песнь соловья.

Нет в России поэта грустнее,
нет в России поэта мощнее,
нет поэта нежнее, чем я.

12 октября 1997

РАЗЛУКА

Поле, скрытое белой скатертью...
А под дверью парит мороз...
Разлучённый с отцом и матерью,
я у бабки в деревне рос.

В это детство моё дошкольное
был я занят самим собой.
Лишь представлю — и грусть невольная,
торопясь, овладеет мной.

Я из чёрной тарелки радио
слушал песни тех давних дней,
да еще не забыть, как радовал
хлеб в печи краснотой своей.

Помню: с пальцами заскорузлыми
хлеб ломающая рука...
Вечерами безмолвно-тусклыми
обнимала меня тоска.

Я дышал на окошко слёзное,
бабка тихо молилась в углу,
сквозь глухое стекло морозное
я смотрел и смотрел во мглу.

Каждый вечер с душой зарёванной,
не желавший ложиться спать
и своим одиночеством скованный,
я всё ждал, что приедет мать...

...Сколько лет словно в пропасть брошено!
Бесприютных, неласковых лет...

А в окне — то же горькое прошлое,
тот же тусклый вечерний свет.

Но взращённый землею отчею,
испытавший людскую вражду
и навек разлучённый с дочерью,
всё молюсь я и встречи жду...

8 ноября 1997

РАБЫ

Что толку клясть ублюдочность врагов?
Их не волнуют наши поношенья.
Но я кляну ничтожество рабов,
их трусость и бессмысленность терпенья.

Идут на смерть чеченец и араб —
им все грехи прощает «Всемогущий».
Сидит в дерьме родимый русский раб,
своей судьбы раба не сознающий.

Он стал презренней всех былых рабов,
что поднимались на борьбу когда-то.
В покорности безмолвной на жидов
он пашет без кормёшки и зарплаты.

Никто его от рабства не спасет.
На «русских новых» гнёт и гнёт он спину.
Вот так и вымрет, как рабочий скот,
коль не возьмётся в злобе за дубину.

11 ноября 1997

* * *

Мне придётся о многом забыть,
не внимая гнетущим желаньям.
Нужно сердце заставить остыть
к нескончаемым воспоминаньям.

Залечить, заглушить, оборвать
этот нерв, не дающий покою.
А иначе — ночами не спать,
а иначе — под лёд головою.

Потому что иначе — не жить
и не высветлить дух свой болящий.
Никого не смогу я любить
с этой раною кровоточащей.

23 ноября 1997

* * *

Не дано нам встретиться, Алёна...
Матерь Божью столько долгих дней
всё прошу я сердцем воспалённым
развязать узлы беды моей.

Только, видно, был я слишком грешен,
если нет беды моей конца,
сколько б лет холодных, безутешен,
пред иконой ни склонял лица.

Может, станет тише и светлее
то, что нас надолго развело,
но пока, наверное, сильнее
всех молитв моих чужое зло.

Буду день и ночь просить прощенья
у Пречистой Девы, чтоб успеть...
Домолиться хватит мне терпенья,
лишь хватило б жизни дотерпеть.

Там, где не страшны земные грозы,
нашим душам суждено срастись,
и вот эти сдавленные слёзы,
может быть, помогут нам спастись...

6 января 1998

* * *

Тёмно-серая промозглая зима.
В четырёх своих углах схожу с ума.

Целый день себе я места не найду,
голова больна и маюсь, как в бреду.

То мне кажется, что где-то плачет дочь
и зовёт, а я бессилен ей помочь.

То почувствую, что мать совсем плоха,
и гоню тоску подальше от греха...

Я на воздух из квартиры выхожу,
по сырому снегу в сумерках брожу.

Хлёсткий ветер бьет в лицо со всех сторон,
слышу гнущихся деревьев тихий стон.

Жёлтый свет течёт из каждого окна,
и душа еще сильней напряжена.

Возвращаюсь к четырём своим углам,
а за стенкой у соседей пьяный гам.

Чтоб не слышать этот мат и этот крик,
телевизор я включаю — лишь на миг.

Там всё те же обезьяны пьют и жрут,
в микрофон похабным голосом орут.

Оказался будто я в чужой стране...
Боже милостивый, что же делать мне?!

Может, надо убежать куда-то прочь,
да, боюсь, убью кого-то в эту ночь.

Никуда мне от себя не улизнуть.
Знаю только: до утра уж не уснуть.

...За окном деревья голые темны,
все бездомные собаки смотрят сны.

И над городом парю я, как во сне,
отражением своим в ночном окне...

8 января 1998

* * *

Если отвергают доброту,
это значит — отвергают Бога.
Я к тебе с раскаяньем приду,
попрошу прощенья у порога.

Я и был и не был виноват,
но теперь мне ясно без сомнений,
что моя вина страшней стократ
всех твоих ответных обвинений.

То, что нас на горечь обрекло,
навсегда во мне перегорело,
то, что в снах еще не отмерло,
я спасти пытаюсь неумело.

Растворились прошлые мечты,
от ночей бессонных сердце сжалось,
кроме слёз и тихой доброты
ничего в нём больше не осталось.

Не войду я в твой запретный дом.
Кто-то здесь желанней и нужнее.
Попрошу я только об одном:
к доброте немного стать добрее.

Знаю, расслабляться нам нельзя,
жизнь твоя другим огнём согрета.
И лишь мельком детские глаза
глянут на меня в полоске света...

25 января 1998

ОСОЗНАНИЕ

Всё в мире бренно и неправедно,
коль в сердце к Богу нет любви.
Живём мы глупо и неправильно,
и страсти буйствуют в крови.

Зачем, скажите, мы рождаемся
на этот непонятный свет
и для чего душою маемся
здесь, на земле, десятки лет?

К чему всю жизнь снуём и вертимся
во власти денег и вещей,
не помня, что однажды сверзимся
под сень кладбищенских ветвей?

К делам удушливым привязаны,
от бед стремимся убежать,
как будто кем-то мы наказаны
проблемы нудные решать.

От всех болезней ищем снадобье,
мечтаем счастье обрести,
забыв о том, что думать надо бы,
как душу в сонме зла спасти.

Для вечной жизни путь единственный
дает нам Божья благодать.
Пришли мы в этот мир таинственный,
чтоб только Бога осознать.

Больница, 31 января 1998

В БОЛЬНИЦЕ

Все обиды, утраты
отдаю январю.
Из больничной палаты
я на зиму смотрю.

Слышу дворника скрипы,
вижу куст под снежком,
встали чёрные липы
вдоль ограды гуськом.

Крыш покатые склоны —
в снеговой белизне,
да вороны, вороны
всё мелькают в окне.

И сплошная остуда
скучных дней и ночей.
Да, сегодня мне худо.
Но бывало хужей.

1 февраля 1998

* * *

Мы живём грешно и бестолково,
лжём,
в себе всё лучшее губя.
Только если обмануть другого —
это значит обмануть себя.

Может быть, я чей-то сон нарушу,
но скажу я, не вводя в изъян:
убивает собственную душу
даже самый маленький обман.

Принимай, как благо, наказанье
за свои корыстные дела,
ведь душе даровано страданье,
чтоб она очиститься могла.

Пусть надежды терпят сокрушенье
иль удачи яркий свет блеснул...
Ты у Бога вымоли прощенье
всем, кого однажды обманул.

6 февраля 1998

ПРОРОЧЕСТВО

Беспросветного головотяпства
избежать не сумел человек.
Мы вступаем в столетие рабства —
в двадцать первый удушливый век.

Век двадцатый, насупивший брови,
злобно скомкал свои времена.
Ах, как жаждет Америка крови —
эта дьявольская страна!

Всех пророков святых откровенья
будут в море людском не слышны
в век всемирного ожесточения
и последней с Россией войны.

Нам останутся снег и морозы,
и протяжные песни молитв,
да еще полускрытые слёзы
над бетоном кладбищенских плит.

Мы поверили смрадным сиренам
и глазам кровожадных лисиц,
мы привыкли к великим изменам,
к лживой жвачке газетных страниц.

Научили нас громко смеяться
над судьбой незлобивой своей,
мы готовы уже отказаться
от печали бескрайних полей.

Вот и звуки, что были родными,
заглушил иностранный напев.

Очень скоро мы станем другими,
всё, что пели когда-то, презрев.

А потом — загремим кандалами,
всем крикливым правам вопреки,
полицаями встанут над нами
атеисты и еретики.

Демократ с коммунистом на пару
будут нас обходить за версту.
Понесём мы достойную кару
за доверчивость и слепоту.

Голод, слёзы, тоска и стенанья
притаились уже у дверей,
мы познаем всю горечь скитанья
без идеи, пути и названья,
только с тайною верой своей.

Но придёт ясноглазый Мессия,
Он укажет, как молния, путь,
и у спящей царевны — России
встрепенётся остывшая грудь.

Грянет время Божественной жатвы,
враг познает пожар и потоп,
ни Америк не будет, ни Латвий,
ни Японий, ни прочих Европ.

И сотрутся названья иные,
и воспрянет в сиянье берёз
вся земля под названьем Россия,
а над ней — Царь Небесный Христос.

7 февраля 1998

* * *

Валит снег за больничным окном.
Спит палата томительным сном.

Только город полночный не спит:
и рычит, и звенит, и гудит.

Мчат машины в туманном огне.
И тревожно, и тягостно мне.

Оттого я слоняюсь без сна
и средь ночи стою у окна,

что дорога шумна и светла,
и нигде нет для сердца тепла.

Но еще оттого я не сплю
и движенья ночные ловлю,

что прошедшее снежной горой,
как лавина, висит надо мной.

Лишь прижму я к подушке висок —
бесконечных видений поток

сдавит голову, горло и грудь,
и никак невозможно заснуть...

Валит снег за больничным окном.
Вот и улица скована сном.

Но какой-то прохожий хмельной,
понимая, махнул мне рукой...

8 февраля 1998

* * *

Я с повинной стоял у порога,
на коленях готов был стоять,
доброты я просил хоть немного,
а нарвался на подлость опять.

Ты осталась такою же дурой,
только, может, хитрей и наглей,
с той же хищной и лживой натурой,
с той же мелкой душонкой своей.

Больше я ни за что не унижусь
перед взглядом корыстным твоим,
пусть уже никогда не увижусь
с той, что стала виденьем ночным.

Разобью, как пустую копилку,
то, что в сердце хранил и в глазах.
Лишь одно не забуду — ухмылку
на змеиных довольных губах.

15 февраля 1998

* * *

Одиночеством скован в пасхальную ночь,
безнадежную грусть не могу превозмочь.

Окончанье поста, воскрешенье Христа,
а душа, как и прежде, мрачна и пуста.

Нет просвета нигде — ни в груди, ни в стране,
и родные глаза вижу только во сне.

Я на жизнь и на Бога давно не ропщу,
и себе оправданья уже не ищу.

Видно, так и должно отплатиться душе
на последнем смертельном судьбы вираже...

19 апреля 1998

БЛИЗОСТЬ ЛЕТА

На дворе распустились берёзы,
дышит в окна шальная весна,
вот уж первые майские грозы
будят ночью Москву ото сна.

И гуляют холодные ветры
над еще не согретой землёй,
и шоссейных дорог километры
гулом полнятся с первой зарёй.

Мир вздыхает от близости лета,
грезит мир долгожданным теплом.
Скоро сердце воспрянет от света,
и сирень зацветёт под окном.

Неотступную, грустную думу
мне развеет последний борей,
и, привычный к московскому шуму,
поутру засвистит соловей...

5 мая 1998

* * *

В небесах уснули сказки...
Я качу тебя в коляске —
проблеск в горечи моей, —
а тебе лишь двадцать дней.
1988 г.

Тебе цвести пора настала,
мне — увядать в ночной тиши.
Той дочки маленькой не стало,
в какой не чаял я души.

Она смеется в хрупком прошлом,
она и в яви, и во сне
воспоминанием хорошим
являться долго будет мне.

Ну что же, ты теперь другая,
другие сказки, смех другой.
Живёшь, моих забот не зная,
давно не знаемая мной.

И всё ж еще хочу успеть я
увидеть прежний детский взгляд...
В год твоего десятилетья
мои промчались пятьдесят.

Как быстро тает жизнь, Алёна!
Но дай же Бог нам подойти
с душой живой и просветлённой
к твоим чудесным двадцати...

20 июня 1998

ПУШКИН

Летящий сквозь громады лет,
огнём небес отмечен,
поэт в России, он — п о э т,
не больше и не меньше.

Он и творец, он и боец,
певец, гонец победный,
а выше — только лишь Отец
и Сын, и Дух Заветный.

Есть слово-символ, как пароль
для всех в России, — Пушкин.
За вечную любовь и боль
нальём по полной кружке.

Когда земные времена
погрязнут в общем блуде,
его строка, хотя б одна,
но в русском сердце — будет.

И пусть во власти высших сил
течёт веков громада, —
останется: «Я вас любил...»,
и большего — не надо.

21 июня 1998

* * *

Лето мое долгожданное,
птицы лесные поют,
время безмерно желанное,
сердца любимый приют.

Смотришь на небо — и хочется
жить, никуда не спеша,
в травах июльских ворочаться,
воздухом сладким дыша.

Господи, что ж мы наделали
с жизнью, с природой, с собой?
Красными были и белыми
под золотой высотой...

Мало казалось нам радости
озера, леса, реки...
Хватит на всех этой малости,
чёрным делам вопреки.

Солнце в пруду отражается,
сокол над полем кружит,
тихо деревья качаются,
тихо листва шелестит...

Утро отрадно-прохладное
свежестью дышит в окно.
Лето мое ненаглядное
взгляд веселит, как вино...

2 июля 1998

ОТРАВА

Ты для всех была, Свобода,
блеском призрачной мечты.
У великого народа
свет в душе затмила ты.

Дети горестной Державы
наскребли твоих даров,
напились твоей отравы —
и остались без штанов,

без зарплаты, без работы,
с беспредельностью свободы
воровать и убивать,
и на Родину плевать.

Ах, Свобода, это слово
власть иуд всегда готова,
точно яд, нам в уши влить,
с ним народ сумели снова
развратить и разорить.

Припустились, будто куры,
мы в котел любви твоей,
за тебя иная дура
бросит мужа и детей.

Ты для каждого урода
хочешь задницей вихлять.
Будь ты проклята, Свобода,
коронованная блядь.

12 августа 1998

* * *

А деревья еще зелены
и полуденным солнцем согреты,
хоть уже чуть заметно видны
увяданья скупые приметы.

Я по тёмным аллеям брожу,
бормочу эти грустные строки
и кругом без труда нахожу
то, что радует взгляд одинокий.

Запах листьев и сочной травы
с ненасытностью жадной вдыхаю.
За пределом гремящей Москвы
я угрюмой душой отдыхаю.

Благодатные, тихие дни
нам даны в истечении лета,
словно бережно дарят они
память нежного тёплого света.

С этой памятью в зимних ночах
будет снова душа не бесплодна,
с этим светом в груди и в глазах
будет жизнь не совсем безысходна.

16 августа 1998

ОККУПАЦИЯ

Земли крутящаяся мельница
крошит нещадно род людской...
Голосовавшие за Ельцина
стоят с протянутой рукой.

Расстрела грозный день проспавшие,
страну за доллары продавшие,
себя предавшие стократ,
за власть иуд голосовавшие
на рельсах ельцинских лежат.

А тем, кто лёг, уже не хочется
за дело правое восстать.
На рельсах вся Россия корчится,
но с них давно пора бы встать...

Пощады нет народу грешному,
дерьма хлебнувшему сполна.
Родная армия по-прежнему
кремлёвским выродкам верна.

Жиды на сценах ржут как лошади,
в глазах — довольство и порок.
И день за днём на Красной площади
грохочет сатанинский рок.

Врагам смешна судьба библейская,
постигшая былой Содом...
Москва — столица иудейская —
погрязла в блуде круговом.

Но что же делать нам, теперешним?
Как долго жить среди врагов?

И сохраним ли сердцем бережным
детей от пагубных оков?

Теперь героями природными
в больной России нужно быть,
чтоб называться патриотами,
чтоб славы русской не избыть.

Как мало нас в стране расслабленной!
Никто не даст спасенья нам.
Безмолвствует народ ограбленный
и ждёт — чего, не знает сам.

К покорной участи приученный —
кряхтит, рассудку вопреки...
Куда ни бросишь взгляд измученный —
кругом враги и дураки.

Стоишь пред ними, небом призванный,
готов на смерть, душою чист,
какой-то олух телевизорный
шипит в лицо тебе: фашист...

Пути отрезаны обратные.
Им ничего нельзя прощать.
Пусть офицеры беззарплатные
их будут снова защищать.

С врагом сражение кровавое
нам возвратит Россию вновь.
Тогда лишь свято дело правое,
когда под ним струится кровь.

29 августа 1998

* * *

Мои промчались пятьдесят,
их не воротишь, не догонишь,
ушедших лет рукой не тронешь,
лишь бросишь вслед им грустный взгляд.

Кружит в окне осенний снег,
к земле пригнулся клен-калека...
Моих развеялось полвека,
когда иссяк жестокий век.

Мы с болью в сердце перешли
бойцовский возраст поколенья.
Отцов победные свершенья
кругом валяются в пыли.

Но без Победы как нам жить?
Чтоб оправдать себя пред Богом,
ей должен каждый стать залогом,
ей надо верно послужить.

Остаток лет пусть так пройдет,
даря вискам живую проседь,
чтоб на алтарь Победы бросить
свой каждый день, свой каждый год.

И дай мне, Боже, новых сил,
чтоб я не знал иной отрады,
чтоб чистый свет добра и правды
строкою каждой отразил.

15 октября 1998

ИТОГ

Не плачь, ты этого хотел
и одиночества удел
давным-давно себе готовил.
И всё ж не дай Бог никому
совсем остаться одному —
тоска не выразится в слове.

Твои желанья и мечты
сбылись без подлой суеты,
хоть сердце и облито кровью,
хоть и в глазах темно от слёз,
и жизнь твоя идет вразнос,
слепому отдана злословью.

Ты духом укреплял других,
ты с ложью бился за троих,
ни в чём себе не изменяя.
Пусть предали жена и дочь,
ты должен это превозмочь
и путь судьбы дойти до края.

Воспоминанья тяжелы,
они плывут из прошлой мглы,
волнуя кровь непримиримо.
Ты хочешь к ним душой остыть,
но не способен позабыть
всё то, что было нестерпимо.

То, отчего ушел ты прочь,
врывается в немую ночь
и не дает уснуть до света.
Ты это всё предвидел сам.
Так что ж ты плачешь по ночам
над русской участью поэта?..

17 января 1999

ОНИ

Распявшие Христа,
убившие царя,
растлившие Россию и народ,
они на площадях
беснуются не зря,
творя разор и брань из года в год.

Им хорошо у нас.
При власти и деньгах
они смеются нагло нам в лицо.
Им весело смотреть
на скорбь в чужих глазах,
за каждым прячась властным подлецом.

Они несут в себе исчадие греха,
поправшие законы естества.
Где ни пройдут они —
там пепел и труха,
там жизнь земная теплится едва.

Мы знаем всё про них,
мы помним их дела,
врагов извечных горестной страны.
Кровавою рекой
по веку протекла
злорадная эпоха сатаны.

Повсюду сея смерть,
по миру ложь соря,
о Божьей каре знают наперед
распявшие Христа,
убившие царя,
растлившие Россию и народ...

11 марта 1999

* * *

Последний год тысячелетья...
Мы завершаем круг второй.
Его прощальные соцветья —
к земле склоняемся сырой.

Мы в нём останемся навечно,
где речь и душу обрели
и где б на станции конечной
на третьем круге ни сошли.

Другая жизнь нам только снится.
И как в судьбе своей больной
мы переступим ту границу
в иную даль и в век иной?

Мы запоздалые соцветья,
уже недолго нам цвести.
И в новое тысячелетье
трудней, чем в мир иной, войти...

7 августа 1999

* * *

Ну что, Горбач, не плачь,
Раиса — не Россия.
На всех один палач —
эпохи лейкемия.
Не прячь коварных глаз,
ты жаждешь и сейчас
урвать себе чего бы.
Ушёл от нас Кавказ,
но не уйдёт Чернобыль...

Август 1999

* * *

Вырываясь из нервного стресса,
вслед остывшим закатным лучам
на окраину летнего леса
прихожу я к зелёным друзьям.

От меня ничего им не надо,
их и я не прошу ни о чём.
Здесь одна мне большая отрада —
хоть на час позабыть обо всём.

Обо всём, что тревожит и мучит,
что бросает в объятья страстей...
Ни ветра не пугают, ни тучи
в окруженье зелёных друзей.

Только здесь я бываю спокойным
и брожу, никуда не спеша.
Птичьим пеньем весёлым и стройным
восполняет утраты душа.

Жалко будет проститься с друзьями,
но с дороги судьбы не свернуть...
И они мне помашут ветвями
и проводят в оставшийся путь...

26 августа 1999

* * *

Лето скрылось и осень уходит,
оставляя наш век за спиной,
жёлтый ветер в кустах колобродит
и шуршит облетевшей листвой.

Всё проходит на призрачном свете,
всё уходит в бездонную тьму.
И правдиво никто не ответит:
что́ есть жизнь? Для чего, почему

так недолго цветёт одуванчик,
так мгновенен полёт мотылька?..
Только месяц, небесный обманщик,
наблюдал, как сменялись века.

Что есть жизнь? — неприметная тайна.
И в реке иссякает вода...
Тайны сущего, даже случайно,
не раскроет никто никогда.

11 октября 1999

* * *

Вырвусь я в своем пророчестве
из тоски лихих годин.
Даже в полном одиночестве
я на свете не один.

Пусть душа, ни с чьей не схожая,
словно комната пуста,
предо мною — матерь Божия
и спокойный лик Христа.

Лампа ночью долго светится
над застывшею строкой.
Есть мне, с кем глазами встретиться
и к кому прильнуть душой...

18 октября 1999

УТОМЛЁННОЕ СЕРДЦЕ

Глаз луны сквозь удушье ночей —
словно мстительный взгляд иноверца.
Неизменен диагноз врачей —
утомлённое сердце.

Чем же было на свете оно
за недолгие эти полвека
так безжалостно утомлено?

А распухшее жёлтое веко
всё в бессонное смотрит окно...

Может быть, этот дьявольский глаз
ждёт добычу в небесном тумане...
И уже, может быть, вот сейчас
я качаюсь на грани...

И в последнем мерцанье свечи
приоткроется тонкая дверца...

Но прерывисто бьётся в ночи
утомлённое сердце.

И ещё надо мною звучит
дней стремительных бурное скерцо.
Спотыкаясь, но всё же стучит
утомлённое сердце...

22 февраля 2000

ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА

Нельзя спокойно жить,
когда страна развалена.
Позорно русским быть
без Родины, без Сталина.

Куда ни кинешь глаз —
Россия опечалена.
Но в сердце есть приказ:
«За Родину, за Сталина!»

Бесовский легион
глядит на нас оскаленно.
Зовёт небесный звон —
за Родину, за Сталина!

Надежда всех веков
на наши плечи взвалена.
Не пощадим врагов
за Родину, за Сталина.

Стальная мощь страны
отцами нам оставлена.
Нам гимны не нужны
без Родины и Сталина.

Сожмём в своей горсти
победную окалину.
Мы скажем вслух «прости»
и Родине, и Сталину.

В чаду сионской тьмы,
в тисках врага заклятого

не отстояли мы
окопы сорок пятого.

На битву вновь пойдём.
Судьба на кон поставлена.
И коль в бою падём, —
за Родину, за Сталина.

8 декабря 2000

ПОСВЯЩЕНИЕ

Т. Г.

В этом мире с самими собою
ты оставила нас и ушла.
Пред твоей непокорной судьбою
меркнут наши слова и дела.

Но ещё до сих пор не забылось,
не померкло, не скрылось во мгле
то, что было, и то, что случилось
между мной и тобой на земле.

Тихо к Богу душа отлетела.
Нас не свяжет с тобою уже
то, что было, и то, что сгорело,
горький пепел оставив в душе.

Но ещё до сих пор не остыло
и трепещет, стуча, у виска
всё, что было меж нами, что было, —
и любовь, и печаль, и тоска...

12 мая 2001

* * *

Нет конца обезумевшей тризне.
А тоска наши души прожгла.
Всех, кого я любил в этой жизни,
эта жизнь у меня отняла.

И уже ни о ком я не плачу
и не жду никого, не зову...
Как по тонкому льду, наудачу
я иду, презирая молву.

Демон тризны всё пуще ярится,
нескончаемой местью грозя.
Скоро что-то, конечно, случится,
ведь иначе в России нельзя.

1 августа 2001

* * *

Пять танков Красной Пресни,
пять пушек на Сенатской...

Поём хмельные песни
в своей судьбе небратской.
Друг друга давим, душим,
отцов лишаем крова,
свои сжигаем души
и ржём над прошлым снова.
Орём в угоду красным,
молчим в угоду чёрным,
трусливой лжи — подвластны
и рады, что — покорны.
И пьём, и жрём, хоть тресни,
в шашлычной мгле арбатской...

Пять танков Красной Пресни,
пять пушек на Сенатской...

15 августа 2001

СОЛНЦЕ РУССКИХ

Время русских ещё не пришло,
наше солнце пока не взошло.
Мы живём в полуночной стране,
день далекий мы видим во сне.

Слишком плотно объяла нас тьма,
нам родная страна — как тюрьма.
Людям наши слова не слышны,
наши слёзы во тьме не важны.

Пусть безумен в жестокости враг,
точим мы безысходность и мрак.
И в глазах, где отчаянья нет,
зреет грозный спасительный свет.

Мало нас, кто упорен и смел,
кто глухое безделье презрел.
Мы готовим великий восход,
наше солнце без нас не взойдёт.

18 августа 2001

ОТЧЕГО?

То ль Гусинский сослепу угодил в тюрьму,
то ли Новодворская в задницу ужалена...
Что хотите делайте, только не пойму,
отчего евреи ненавидят Сталина?

Вроде бы совсем не он их сжигал в печах
и не он устраивал ночи им хрустальные...
Сталинские армии на своих плечах
вырвали из полымя племя загребальное.

За круги Полярные он их не ссылал
и не разъевреивал, и не раскулачивал,
к женщинам их чувственным нежностью пылал,
книги их бездарные хорошо оплачивал.

Страшная, голодная, зверская война
загнала их в южную ссылку виноградную.
Майская, победная, сладкая весна
им вернула Родину нашу неоглядную.

И теперь мы, глупые, видим, как опять
иудеи думские крылышки расправили.
Умники болтливые в толк не могут взять,
что без воли Сталина не было б Израиля.

То ли Новодворская села на лугу,
то ли Березовскому клизма в ухо вставлена...
Сколько ни кумекаю, вникнуть не могу,
отчего евреи так не любят Сталина?

19 августа 2001

ВЕРОНИКА

Где цветёт луговая клубника,
ежевика растёт, земляника,
слаще ягоды нет
и заманчивей нет,
и прекраснее,
чем Вероника.

Где играют озёрные блики
и гусиные слышатся крики,
нет милей ничего,
нет стройней никого,
нет светлей и теплей
Вероники.

На полях, где цветы многолики,
виноград расстилается дикий,
но приятнее нет,
ароматнее нет,
обаятельней нет
Вероники.

21 августа 2001

* * *

Запахи лета, запахи лета!
Солнцем высоким земля разогрета.
К стеблям цветов прикасаюсь едва.
Дышит трава.

Воздух душистый всей грудью вдыхаю.
Взглядом полёт мотылька провожаю.
После дождя на лужайке лесной —
пар голубой.

Что мы без хрупких и чистых растений?
Что мы без их ароматных цветений?
Словно последней отрады лишусь —
не надышусь.

25 августа 2001

КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ

В воспоминаньях бесконечно роясь,
исчезнем скоро, как весенний снег...
Мы, словно в уходящий скорый поезд,
успели впрыгнуть в двадцать первый век.

Былые сны, былые сердца звуки —
багаж излишний в спешке ломовой.
Любовь, мечты, свиданья и разлуки
глядят нам вслед с надеждой и тоской.

А проводник вздохнул с улыбкой странной,
рукой махнул, уняв глухой укор.
На станции какой-то безымянной
нас высадит усталый ревизор.

Когда с мольбою слёзной, с переплатой
билет мы купим, Господи, прости,
то будет в том билете век двадцатый
конечным пунктом нашего пути.

И сколько бы в стремленьи суматошном
мы ни рвались в незнаемую тьму,
мы навсегда остались в веке прошлом,
прикованные намертво к нему.

16 сентября 2001

* * *

Туман прозрачный над прудом,
сентябрьский нежный вечер,
берёзка в платье золотом
и свет, который вечен.

Своё последнее тепло
роняет шар прохладный.
Хоть на мгновенье, но светло
в душе, в судьбе нескладной.

Воды и неба бирюза,
и, Божеством отмечен,
слезит померкшие глаза
тот свет, который вечен.

17 сентября 2001

ВОЗМЕЗДИЕ

(11 сентября 2001 г.)

С каким животным иудейским страхом
с экранов тараторили они!..
Америка, поставленная раком, —
единственная радость в наши дни.
И не хочу жалеть я этих янки.
В них нет к другим сочувствия ни в ком.
И сам я мог бы, даже не по пьянке,
направить самолет на Белый дом...

7 октября 2001

* * *

Всё в такой дороговизне,
и дела мои плохи.
Мне остались в этой жизни
только слёзы и стихи.

Мне осталась, мне осталась
прядь седая у виска,
глаз обычная усталость
и привычная тоска.

Да ещё в больной Отчизне
горевой судьбы печать...
Словом, то, что в этой жизни
невозможно потерять.

20 октября 2001

* * *

В мой дом пришла зима.
Надолго ль, навсегда ль?
В окне — немая тьма,
а в комнате — печаль.

А в комнате — метель
и холод ледяной,
и снежная постель,
как саван гробовой.

Уже ничьим теплом
не обогреть лица.
Зима пришла в мой дом,
которой нет конца.

Открыта настежь дверь,
и ветер из окна.
Наверное, теперь
она — моя жена.

И пусть во мгле кружит
земная круговерть,
но нас не разлучит
ни женщина, ни смерть.

23 декабря 2001

* * *

Кончается август, и новая грусть
врывается в сердце, как прежде.
Привычной тоски я уже не боюсь
и больше не верю надежде.

В квартире холодной тоска прижилась,
пригрелась, как пёс шелудивый,
с надеждой обманной оборвана связь,
как с бывшей любовницей лживой.

Всё сказано мною, что надо сказать,
все чувства исторгнуты миру.
Безмолвная ночь и пустая кровать
лелеют остывшую лиру.

Промчавшейся жизни иссякло вино,
и горечь его не измерить.
Кончается август — лишь в это одно
на свете осталось поверить.

19 августа 2002

* * *

Замерла зелёная природа
в ожиданье осени и сна.
За окном похмельная погода,
но ни денег в доме, ни вина.

Скоро будет ветрено и сыро,
скоро будет хмуро во дворах,
подчинится холоду полмира,
приживутся тучи в небесах.

А пока — бесшумен летний вечер.
Даже пьянь за стенкой не слышна.
Тёплый сумрак падает на плечи.
И ни денег в доме, ни вина.

Смысла нет ни в чём, я это знаю.
И не стоит грусти жизнь моя.
Словно свет в окне чужом, растаю,
оправдав никчемность бытия.

31 августа 2002

ОБРЕЧЁННЫЕ

Нас погрузили в мрак трагедий,
в наш быт внедрили скорбь и страх.
Дух героических наследий
подавлен в плачущих сердцах.
Уже ни дело и ни слово
нам не напомнят ни о чём.
Всё, что осталось в нас живого,
омертвевает с каждым днём.
Ушло в песок сопротивленье,
героя нет ни одного.
Разгромленное поколенье
понять не в силах ничего.
Поём не в лад, идём не в ногу,
душить врагов не стало сил...

Несчастные, молитесь Богу,
чтоб Он безвольных вас простил.

15 ноября 2002

* * *

В стране безумство и разбой
творит чужое племя.
Пришла пора, очнись, Герой,
твоё настало время.
Бери с прицелом автомат,
смотри в прицел умело.
Известно всем, кто виноват,
понятно всем, в чём дело.

16 ноября 2002

ПОМНИ!

Слово твоё — точно резкая бритва...
Взгляд — словно пепел, вмороженный в лёд...
Воин Руси, не окончена битва,
помни и верь, наше время грядёт.

Памятью мщения сердце наполни.
Нас не сожгут, не затопчут дотла.
Впитывай, слушай, фиксируй и помни
лица, слова, имена и дела.

Копится ненависть в нас не напрасно.
Будет и твой впереди Сталинград.
Чтобы отвага в груди не угасла,
помни, что́ нелюди с нами творят.

Помни до смерти глаза выселенца,
и́з дому выгнанного в никуда.
Помни звериную морду чеченца,
помни паскудную харю жида.

23 ноября 2002

ЗНАМЕНИЕ,
ИЛИ ГИБЕЛЬ «КОЛУМБИИ»

И опять у них истерика —
в мире гордом и убогом.
Неразумная Америка,
вновь наказанная Богом.

Всё на нас с испугу лаяла,
всё свободою кичилась.
Не любилась бы с Израилем,
ничего бы не случилось.

Пусть бы в море Мёртвом плавал он —
не для космоса Израиль.
Весь повитый, слитый с дьяволом —
свергнут в ад небесным раем.

Мы глядим с другого берега
со своим души ожогом...
Безнадежная Америка,
вновь настигнутая Богом...

1 февраля 2003

ПИР

Мир наблюдает за войной,
ничтожный мир.
Спешит на казнь бесовский рой.
Кровавый пир.

Поёт и пляшет в дни Поста
безумный мир.
Американская мечта.
Иракский тир.

Телесмеющиеся рты.
Всё ржёт эфир.
Жабоподобные скоты.
Их вечный пир.

2 апреля 2003

ЗЛО И ДОБРО

Пустой хохмач для многих стал кумиром,
народный ум враньё обволокло.
Несправедливость управляет миром,
и беспредельно торжествует зло.

Враги Земли понятны, как простуда,
элементарны, как змеиный яд.
Нас грабят по учению Талмуда
и по закону Каббалы казнят.

Всех учит жить щетинистая гнида...
Как мир, веленье высшее старо:
есть справедливость в поясе шахида,
и в снайперском прицеле есть добро.

24 апреля 2003

СТРАНА RU

Здесь безысходно, как в тюрьме,
как птице солнечной во тьме,
как чёрным листьям на ветру...
Страна слепых. собака ru

В стране потоп, в стране пожар.
Все чуда ждут — и млад, и стар.
Пусты призывы к топору.
Страна глухих. собака ru

От нас уходят навсегда
алмазы, недра, лес, вода,
как будто в чёрную дыру...
Страна немых. собака ru

Страна глупцов, страна слепцов...
Да что же мы в конце концов?
Красна погибель на миру...
Святая Русь... Отныне — ru*

11 мая 2003

* В компьютерном изображении после знаков @ (собака) и «ru» точка не ставится.

ЖЕЛАНИЕ ВОЙНЫ

Одно спасение — война.
Кругом кишмя кишат дебилы.
Страна, безумием пьяна,
себя забыла и сгубила.

Но очищение — в огне.
В бою — сердец преображенье.
Смердит пустое населенье.
Перерождение — в войне.

Она не хуже той беды,
в какую все мы окунулись.
Чтоб только шустеры заткнулись,
мгновенно смылись бы жиды.

Умрите, трусы, черт возьми! —
позор угасшего народа.
Ну как трясущимся уродам
в паскудном мире стать людьми?!

Но ржёт в погибели страна,
в безвольной мрёт анестезии...
Скорей бы началась война.
Она — спасение России.

15 июня 2003

ГЕНЕРАЛЫ

В погонах олухи бездарные
несут с экрана пошлый бред...
Смешно надеяться на армию.
Средь генералов русских нет.

Есть лизоблюдство и убожество
отвисших брюх, как на сносях.
Тупая трусость и ничтожество
дрожат в их заячьих сердцах.

Никчемны жуткие реалии,
коль дали дачку задарма.
В глазах — лампасы и регалии,
в мозгах — ни света, ни ума.

19 июня 2003

* * *

Удел творцов — безблагодарность.
Не их находит высший грант.
Вознаграждается бездарность
и оскорбляется талант.

Так жизнь устроена людская:
дельцы резвятся в суете,
а в ком сильна любовь земная —
живут мечтой о красоте.

30 июля 2003

ЕВРЕИ

Безъязыки и сереньки
и в искусстве — пигмеи.
Без паскудной Америки,
как без света, евреи.

С поднебесного берега
нас Всевышний рассудит.
Вот исчезнет Америка —
и евреев не будет.

19 августа 2003

* * *

...И третий Ангел вострубил,
и воды сделались полынью,
и треть земли под неба синью
покрыло сонмище могил.

Пыль неземная свет затмит,
морские воды станут кровью,
когда над нашей грешной новью
четвертый Ангел вострубит...

19 августа 2003

* * *

Лето шумит и уходит,
жизнь уводя за собой.
На золотом пароходе
мой приплывает покой.

Что ж, протекла не напрасно
бурная жизни река.
Как это лето прекрасно!
Как эта жизнь коротка!

Вздох сожаленья извечен.
Время нельзя превозмочь.
Тихо опустится вечер
в долгую сонную ночь...

31 августа 2003

ОКЛИК ИЗ БЕЗДНЫ

В своём последнем стихотворении «Поэт и монах» Ю.Кузнецов «на смертном рубеже» беседует с неким «монахом», который в финале оказывается дьяволом.

При жизни в адовы пределы
ты погрузил себя, поэт.
А ведь душа всегда хотела
узреть спасенья райский свет.
Но стали горестным итогом
самопохвальные вчера
шальные эти шутки с Богом
и с миром дьявола игра.
Себя в последний раз без страха
ты прежней прелестью смущал:
решившись искушать монаха,
поэт, к о г о ты искушал?
Ты за границы света вышел,
и жуть вошла в меня на миг,
когда средь ночи я услышал
из бездны твой зовущий крик.
Ты сам других судил сурово.
Слова — полова, трын-трава.
Куда важней **расслышать** Слово,
чем зряшно говорить слова.
Ты так спешил в картинах ада
изжечь отчаянье свое...
Теперь придумывать не надо.
Теперь душа увидит **всё**.

26 ноября 2003

* * *

Ты позвонила, чтоб сказать «люблю»,
увы, не мне сказала — февралю,
просторам снежным, звёздам, небесам...
В иной исход не верил я и сам.

Прости, давно обвенчан я с зимой,
она живет и день и ночь со мной.
И снег, и ледяные небеса
давно в мои просыпались глаза.

И всё же я тебя ревную к ней,
к нерасторжимой суженой моей,
к просторам снежным, звёздам, небесам...
И что нам делать — я не знаю сам.

13 декабря 2003

ШАКАЛЬЁ

Ублюдки оказались у руля.
Предательство исходит из Кремля.

Ничтожной срани вырос целый лес
из бывшего ЦК КПСС.
А чтоб они не лезли на рожон,
всучили мудакам еврейских жен.
И вот уже в Кремле сидит кагал
и нашу кровь лакает, как шакал.

Но чтоб вздохнула русская земля,
пора шугнуть шакалов из Кремля,
очистить Кремль от нечисти чужой,
а весь народ — от дурости большой.
И после надо сразу, по весне,
большую стирку сделать всей стране.

9 февраля 2004

СМИРИВШИЕСЯ

В безвыходность и в безысходность
народ несчастный погружён.
Бесплодность духа, как безродность,
взяла никчемных в свой полон.
И сколько бы ни хоронили
они раздавленных детей, —
себя безропотно смирили
под гадкой лживостью властей.
Смешно в безвольи ждать спасенья,
всевышний суд простит не всех,
сверхмалодушное смиренье
еще страшней, чем смертный грех.

24 февраля 2004

БЕЗ ОСТАНОВОК

Плывут поля, в туманах роясь,
леса мелькают день за днём...
Стучит на стыках скорый поезд,
без остановок мчусь я в нём.

В окно сквозит порывный ветер.
Глаз от окна не отвожу.
Спрошу: зачем я жил на свете? —
и сам себе не подскажу.

Молчу, не жду назад возврата,
ни с кем свиданий не хотя.
Вот так всё ехал бы куда-то,
нигде уже не выходя...

7 июня 2004

СМЕТИ ЧУБАЙСА!

И не пророк, и не герой,
а просто русич,
пришел твой час, иди на бой!
Что толку трусить?
В сетях жидовских упырей
скорей врубайся!
И чтоб спасти своих детей, —
смети Чубайса!

Простой рабочий и солдат,
очнись от спячки!
Небесный ангел бьет в набат
в больной горячке.
Под игом ссученных властей
давай, решайся!
Убереги своих детей —
смети Чубайса!

Довольно князю Тьмы служить
под небом синим.
Нам в этой нежити не жить,
мы скоро сгинем.
Среди подонков и рвачей,
боец, мужайся!
За всех погубленных детей —
смети Чубайса!

Тот, кто не быдло и не раб,
яви призванье,
и кто душою не ослаб, —
сверши деянье!
В бездонной горечи своей
не забывайся.
И за себя, и за детей —
повесь Чубайса!

17 июля 2004 (день гибели Царской семьи)

М Ы

Мы втянуты в кровавый смерч,
нас по живому расчленяют.
Телеэкран смакует смерть,
и бесы в ангелов стреляют.
По детям лупит пулемёт
под знаменем «аллах-акбара».
Никто уже не отведёт
от нас грядущего пожара.
Мы разбазарили страну,
мы оказались разнородны,
свою трусливую вину
в себе смиряя безысходно.
Мы не услышим добрых слов —
бесстержневое поколенье,
предавшее без сожаленья
столетья войн и мук отцов.
Под дудку скурвленных властей
пятнадцать лет уже танцуем.
Из года в год мы голосуем
за гибель собственных детей.
И всласть гогочем над собой,
невольники самообмана.
Кровь и «Норд-Оста» и Беслана —
на нашей совести немой.
Нам так легко про всё забыть
и связь порвать любых наследий.
Нас образумит, может быть,
лишь тьма немыслимых трагедий.

8 сентября 2004

ПОЛКОВНИКУ БУДАНОВУ

Держись, полковник, за тобой страна,
дух боевой, мы верим, не остужен.
Ещё твоя не кончена война,
и нам ещё ты будешь очень нужен.

Мы все — приговоренные, как ты,
как ты, — сданы и преданы своими.
И мстят тебе картавые скоты,
мы никогда не уживемся с ними.

Через тебя хотят сломить и нас.
Позорно обнажилась подлость власти.
Ты воевал по-русски за Кавказ,
темня глаза ублюдкам рыжей масти.

Ты этой подлой власти — приговор.
Ей не отнять народную награду.
И что бы там ни вякал прокурор, —
душа народа различает правду.

Мы оказались в замкнутом кругу.
Нам всем грозят тюремною стеною.
Ты страстно бил из пушки по врагу,
но главный враг был за твой спиною.

Держись, полковник, русские — с тобой.
Мы перетерпим времена лихие.
Мы скопим силы на победный бой.
Не сдашься ты — и выстоит Россия.

21 сентября 2004 (Рождество Богородицы)

* * *

Ехали мы, ехали день за днем,
всё терпели, думали: подождем.
Родина ты Родина, свет и мрак.
В новый век пробились мы кое-как.

Нас манили райскою красотой.
Что же мы увидели пред собой?
На лугах — не скошенная трава,
в городах — усохшие дерева.

Вдоль дороги — взорванные дома,
на флагштоках — траурная тесьма...
Как с душевным трепетом совладать?
Солнца в небе скомканном не видать.

Пасмурно и ветрено за окном.
Мчатся тучи низкие. Снег с дождем.
Впереди — мертвящие холода.
Вот мы и приехали. В никуда.

14 октября 2004

НЕМОТА

Мы идем всё дальше от Христа,
впереди — немая пустота,
впереди — отчаянье и страх
и блужданье смертное впотьмах.

Сбились мы с надёжного пути,
в сердце знанья нет, куда идти.
Цели нет и света нет в крови,
нет надежды, веры и любви.

Правды нет в бессмысленных глазах,
всё мы растеряли впопыхах,
все заветы предали стократ
и бредем куда-то наугад.

Нас влекут болотные огни,
чудным блеском кажутся они...
Самый подлый враг — наш лучший друг,
и лишь голос лжи — ласкает слух.

Глохнет Слово, и за часом час
Божий образ покидает нас.
Мы уходим дальше от Христа,
впереди пустая немота.

8 января 2005

ШАЛЬНАЯ ДУША

Скучно миру без крови и слёз.
Дивиденды — его аргументы.
Русский поезд свалили с колёс
под всемирные аплодисменты.
И мы сами (Всевышний, прости),
как в затменье душевного слома,
разобрали стальные пути,
чтобы сдать по цене металлома.
Размотали богатства страны,
не боясь неизбежной расплаты.
И ничьей не отыщешь вины,
если все как один виноваты.

Эх, Россия, шальная душа!
Всё б тебе куролесить и плакать!
Изведёшь ты себя до гроша,
только будут бубенчики звякать
в голом поле, где ветер и снег,
и летящая белая тройка...
Но иссякнут гульба и попойка,
образумится наш человек.
Да, поднимется русский колосс,
восстановит свистящие рейсы,
чтоб свалиться опять под откос
и продать безнадежные рельсы...

9 января 2005

* * *

Поблекших глаз уже не спрячешь,
не утаишь седин волос...
Мой друг душа, ты снова плачешь
над всем, что в жизни не сбылось.
Дадим остыть желаньям бренным,
мы не для них сюда пришли.
В земном пути своем мгновенном
мы кое-что с тобой нашли —
наш тайный, наш волшебный ключик
в тот мир, откуда вышли мы,
и чей живой дрожащий лучик
спасал среди кромешной тьмы.
Мы обязательно вернёмся
под сень бессмертной красоты,
уснём однажды и проснёмся
там, где рождаются мечты...

12 января 2005

* * *

Живём в немеркнущей печали
и во всемирной к нам холодности.
О Боже, как же мы устали
жить в беспросветной безысходности!
Уже полна усталость эта
одним желаньем отрезвляющим:
хоть бы коснулась нас комета
своим хвостом испепеляющим...

8 марта 2005

* * *

Стократ обманут музой хитроокой, —
Всё отдал в жертву страсти неземной.
Остался я в судьбе своей жестокой
наедине с поэзией одной.

Всё позади: былых надежд крушенье,
прикосновенье роковой беды...
Мои стихи — одно мне утешенье,
одно спасенье средь людской вражды.

Я знал любовь под звёздным коромыслом,
стоял не раз на гибельном краю.
Поэзия одна каким-то смыслом
овеет жизнь прошедшую мою.

Она не лишней станет в мирозданье,
коль чьи-то души сможет обогреть.
Она одна мне будет оправданьем,
она одна не даст мне умереть.

27 марта 2005

* * *

Все невзгоды мои неминучи,
стороной никогда не пройдут.
Вот опять бесконечные тучи
над моей головою плывут...

Бесконечные тучи... Ну что же,
мне привычными стали они,
стали сердцу нужней и дороже
сокровенные хмурые дни.

В эти дни в ожиданье тревожном
я недвижно маячу в окне,
и, как будто во сне невозможном,
голос ангела слышится мне...

30 марта 2005

* * *

Проходят наши дни, ничем не радуя.
Мы все устали от сплошной беды.
Как включишь телевизор или радио —
везде одни бездарные жиды.

Несёт эфир то хохот, то истерику,
со всех афиш глядит их рыбий глаз.
Не едут ни в Израиль, ни в Америку,
торчат в России, ненавидя нас.

Не отрезвит народ прозренье позднее.
В стране грабёж, в стране разор и мор.
И с каждым днём их ненависть злокознее —
за то, что нет погромов до сих пор.

1 июня 2005

* * *

Елене Сапрыкиной

Июньский лес и трели соловья...
По вечерам гуляю вдоль опушки,
чтоб хоть на миг сдалась печаль моя
под ливнем песен золотой пичужки.

Вот так из года в год, из века в век
журчит, свистит соловушка над миром.
А позабывший Бога человек
оброс железом, подлостью и жиром.

Но с дрожью откликается душа
на голос неземной певца лесного...
Стою и молча внемлю, чуть дыша,
и ничего не надо мне другого.

Цветов и трав дурманный аромат
манит от горьких мыслей отрешиться.
Среди сплошных трагедий и утрат
есть летний лес и сладостная птица...

16 июня 2005

* * *

Умирают друзья, остаются враги,
и в дали безутешной не видно ни зги.
Все враги при больших должностях и деньгах,
и заботятся власти о наших врагах.

Нас ничто не утешит в разбитой стране:
на безвольной, проигранной нами войне
мы хороним устало сгоревших друзей,
потерявшие счет неотплатных смертей.

Всё слабей круговой обороны кольцо.
А враги день за днём нам хохочут в лицо.
И чем меньше друзей, тем наглее враги
и больней неотплатные наши долги...

Пляшет в русской крови, голосит, нестерпим,
этот праздник веселый, их новый Пурим.
Непокорная кровь остывает в пыли,
и не видно ни зги в безутешной дали.

26 июня 2005

* * *

Июльской ночью нива так светла
и далеко видна в степи дорога.
Тоска моя, надолго ль ты пришла?
Побудь еще со мною, ради Бога!
Я не уйду отсюда до утра,
я побреду за солнцем в степь ночную,
и у чьего-то дымного костра
о всём прошедшем тихо потоскую.
О невпопад растраченной любви,
о детских снах, подёрнутых слезою,
о горьких днях в нахлынувшей нови...
Тоска моя, побудь еще со мною...

5 июля 2005

* * *

Когда никуда не спешишь
и смотришь вокруг безмятежно,
приходит к тебе неизбежно
души просветленная тишь.
Когда никуда не спешишь...

Недвижны листва и вода,
спокойны и небо, и воздух,
и трав освежающий роздых
твои исцеляет года.
Недвижны листва и вода...

Как время течёт сквозь тебя —
ты нервами чуешь и кожей,
с травой и с деревьями схожий,
любую былинку любя.
А время течёт сквозь тебя...

Природа глазами цветов
глядит на тебя с удивленьем,
и ты неразгаданным зреньем
взираешь на чистый покров
природы с глазами цветов.

Ты, словно в гипнозе, стоишь
в своем созерцанье глубоком,
боясь оборвать ненароком
души просветленную тишь.
Ведь ты никуда не спешишь.

23 июля 2005

ВОЗМЕЗДИЕ — 2

Над южными штатами — мрак.
Стихия, приветствую, very good!
«Торнадо» бомбили Ирак,
торнадо накрыло Америку.

И пусть нескончаемый страх,
как признак тупого бесчестия,
в жестоких и наглых сердцах
сидит по закону возмездия.

1 сентября 2005

* * *

Больное сердце мается в груди.
Любовь и жизнь остались позади.

Страна, где я родился и где рос,
лежит на дне людского моря слёз.

Родник иссяк и отцвели цветы,
глаза померкли, съёжились мечты...

И лишь, как прежде, небо надо мной
своей бездонной манит высотой...

3 января 2006

* * *

Т. Г.

Мы больше не встретимся, даже случайно.
Свела нас когда-то печальная тайна.
Жестокая тайна потом развела.
И тихо навеки ты с нею ушла.

Но сердце мое ничего не забудет,
и что-то, возможно, небывшее будет,
когда нас простит всеобъемлющий рай,
ведь мы не сказали друг другу «прощай»...

23 апреля 2001 — 28 февраля 2006

* * *

Некуда деться мне в городе зверском,
спрятаться негде от воплей скотов.
В неутихающем грохоте мерзком
глохнет поэзии трепетный зов.

Нервы и вены — гудящие струны,
перенатянуты, как на разрыв.
Дни беспросветны и ночи безлунны.
Зреет на сердце убийственный взрыв.

Пройдено прошлое — путь испытанья.
Худшего жду, на судьбу опершись.
Думал я, жизнь — это мера страданья.
Мера терпения — вся моя жизнь.

9 марта 2006

* * *

Судьба, судьба, как странно ты сложилась!..
Была необъяснима жизнь моя.
Но шла за мною Божеская милость
и следом — беспощадность бытия.

Каким-то чудом выжил я на свете,
нисколько не озлобившись душой.
Смотрю с улыбкой, как играют дети,
как сквер сияет молодой листвой.

Была мне тайна высшая открыта
и о любви шептал мне каждый куст...
Я всё же выжил. Но страна — разбита,
и дом унылый — холоден и пуст.

8 июня 2006

* * *

Наверно, смешно и нелепо
в закатную верить зарю...
Смотрю на вечернее небо,
спокойно и долго смотрю.

Мне волосы ветер полощет
и полнится взгляд синевой,
я вижу яснее и проще
прошедшее перед собой.

Ведомый велением вышним,
прорвал я соблазны греха.
Что было никчемным и лишним, —
отсеялось, как шелуха.

Испытан земной маятою,
я с ней расквитался давно.
Всему пережитому мною
меня пережить суждено.

И вот, не забывший о многом,
судьбу разглядевший свою,
безропотно, как перед Богом,
под небом вечерним стою.

Внимаю сердечной надежде
на эту живую зарю,
с любовью, неведомой прежде,
в предвечное небо смотрю.

4 июля 2006

* * *

Осталось мне, наверное, немного.
И в листьях ветер северный вздохнет,
когда моя последняя дорога
в немую ночь угрюмо уведет.

И все мои по Родине кочевья,
как сны, прокрутит неба синева.
«Ну вот и всё...», — прошепчут вслед деревья,
«Прощай, прощай...», — прошелестит трава.

Блеснут и стихнут дальние зарницы,
устало скрипнут старые мосты...
«Ты был нам другом», — прощебечут птицы,
«Мы не забудем», — прозвенят цветы.

Услышат их безмолвные погосты,
плеснет волной озерная вода...
И отразит стремительные звёзды
открытых глаз холодная слюда.

13 августа 2006

СЕЛЬСКАЯ КАРТИНА

Буйство цветов на нескошенном поле,
пиршество бабочек, пчёл и стрекоз.
Здесь, на раздолье на этом, давно ли
зрели пшеница, гречиха, овёс?

Время застыло на сельских окрайнах,
нет ни коровьих мычаний в хлеву,
ни тракторов не видать, ни комбайнов,
даже на сено не косят траву.

Шапки репейные катятся в осень,
цвет облаков неспокойно-свинцов...
Дико торчат меж прореженных сосен
круглые башни кирпичных дворцов.

Тают селенья, теснятся хоромы
в горестных прорезях лесосек.
Множится, копится мир насекомый,
где от земли отошёл человек.

19 августа 2006

ОСЕННИЙ ТРИПТИХ

1
Снова лето ушло,
укатилось в туманную арку.
От кручины в глазах
не поднять к небесам головы.
И брожу я один
по вечернему грустному парку,
чтоб ещё подышать
ароматом последней листвы.

Снова сердце болит
в ожидании серых ненастий.
Слишком знает оно,
сколько длинных унылых ночей
будем ждать мы весны,
горевать о растраченном счастье
и смотреть сквозь окно
на мерцанье холодных огней.

Вот что стало со мной.
Так и будет всегда, так и будет.
От весны до весны
жизнь моя. От весны до весны.
Если зимняя ночь
это сердце навеки остудит, —
прилетят соловьи
из далекой чужой стороны...

2
Еще одно иссякло лето,
деревьям холодно, как мне.
День ото дня всё меньше света
в глазах, на сердце и в окне.

Смотрю с тоской на дождь унылый,
на тучи в хмурых небесах,
и всё яснее голос милый
в нездешних слышу голосах...

3
В сентябре запоздалое лето
одарило нежданным теплом,
и листва золотистого цвета
ярко блещет в сиянье дневном.

Удивительный свет бирюзовый
над притихшей природой разлит.
Даже сердце от благости новой
в эти ясные дни не болит.

И не хочется помнить, что вскоре
свет надолго померкнет в окне,
что ненастье и холод, и горечь
в ноябре возвратятся ко мне...

Август — сентябрь 2006

* * *

Кому живётся весело,
вольготно на Руси?
Любой ответит запросто,
кого ты ни спроси, —
эстрадным пересмешникам,
чиновным господам,
банкирам с олигархами,
бандитам и...

4 сентября 2006

РУССКИЙ МАРШ

Мы идём сквозь кордоны ОМОНа
и овчарок ментовских конвой.
Святорусские наши знамена
на ветру — как огонь золотой.
Сколько лет мы кроваво терпели
эту нерусь на русской земле!
Наши души во мраке прозрели
и сердца укрепились во мгле.
Хватит гнуться под властью Сиона
и взирать на погибель страны!
Ни Бейтар, ни дубинки ОМОНа
нам отныне уже не страшны.
В русском марше — к победе дорога.
С грозной силой — ударим в набат!
За спиною у нас — Кондопога,
впереди — будет свой Сталинград!

6 ноября 2006

В БОГОРОДСКЕ...

Напылили кругом, накопытили...
С. Есенин

Хакамады, гайдары, чубайсы, грефы... —
словно дьявол прислал нам свою родню.
Прилепить бы им на́ спину масти трефы
и хотя бы на месяц послать в Чечню.

Накопытили смрадные эти бесы,
миллионы безмозглых свели с ума.
Сколько их, облепивших родные веси!
Сколько всяческого дерьма!

Володарский, Урицкий, Загорский, Бродский...
Мы избавим от них страну.
И поставят мне памятник в Богородске
вместо памятника Ногину...*

18 декабря 2006

---

* Автор родился в г. Ногинске Московской обл. Этому городу уже более двухсот лет, и до 1924 года он назывался Богородском. Город был переименован в знак памяти известного революционера В.П. Ногина.

* * *

Ни жены, ни любви, ни страны...
Всё истаяло в сердце уставшем.
Стал я воем гражданской войны,
ей последние силы отдавшим.

Для кого я, зачем я теперь?
Жизнь опять надо мной посмеялась.
После всех невозвратных потерь
только горечь на сердце осталась.

9 марта 2007

* * *

С новой дневной маятою —
больше бессонных ночей,
с каждою новой тоскою
сердцу трудней и больней.

Господи, сколько желаний
сгинуло в пропасти лет!
И никаких ожиданий
в буднях мелькающих нет.

Медленно пересыхает
каждый бегущий ручей.
Чья-то молитва стихает
в дымке угасших свечей...

10 марта 2007

* * *

Грусть свою до донышка
я испил давно.
Мартовское солнышко
брызнуло в окно.

Уж душа не чаяла
взмыть под небеса,
а гляжу — оттаяла,
осветлив глаза.

Долго ли угрюмости
надо мной кружить?
Мне опять, как в юности,
захотелось жить.

11 марта 2007

ИНОЮ ДОРОГОЙ

За то, что дорогой иною
иду я, терпенье храня,
за всё, пережитое мною,
они ненавидят меня.

Безумство злорадного мщенья
их мелкие души сожгло.
Не будет мне в жизни прощенья
за подлое их ремесло.

Дорогой своей одинокой
и дальше по свету пойду,
в российской печали глубокой,
быть может, не пропаду.

Судьбу разделю равноправно
с бедой и тоской пополам.
Да только ни Бога ни правды
на торжище лжи не отдам.

17 марта 2007

В НЕВИДИМОЙ ДАЛИ

Всё пережил, переживу и это —
пустую радость мелких подлецов.
Весна в лицо мне веет из рассвета
дыханьем первых городских цветов.

Я знал страшней удары и утраты,
больнее были горечь и печаль.
Полночных гроз бодрящие раскаты
влекут меня в невидимую даль.

Из той дали мне светит, не стихая,
звезда мечты, зовёт из тайны той...
Лишь ей одной душа моя живая
принадлежит в погибели земной.

Судьбой не дорожил я в жизни этой.
От многих, стиснув зубы, уходил.
В душе, огнём звезды моей согретой,
всегда хватало смелости и сил.

Смирясь еще с одним переживаньем,
пойду навстречу ласковой весне.
Как прежде, с каждым новым испытаньем
звезда мечты сияет ярче мне.

18 марта 2007

ПРИТЧА НА УСТАХ

Нет, не меня вела удача
и не со мной дружил успех.
Но я, пожалуй, что-то знача,
был притчей на устах у всех.

Меня любили и травили,
и, странной зависти полны,
за то винили и казнили,
в чём были сами сверхгрешны.

И ненависть без сожаленья
за мной всегда тащилась вслед.
Мои ночные сокрушенья
смирял под сердцем лишь рассвет.

Я сторонился всякой славы,
в себе надмирный свет храня,
но бред ее хмельной отравы
озлобил тех, кто гнал меня.

Слепого буйства этой злобы
никто из них не мог сдержать.
О, как же им хотелось, чтобы
я перестал существовать!

От всех свои скрывая беды,
я им спокойно отвечал,
и, как ни странно, их победы
от поражений отличал.

Осталось — жизнь переиначить,
осталось — прошлое убить,
чтоб ничего для них не значить
и притчей на устах не быть...

23 марта 2007

* * *

Чем весенние ночи темнее,
тем пронзительней песнь соловья.
Нет в печальной России грустнее,
нет поэта нежнее, чем я.

Чем на свете живется труднее,
тем доступнее смысл бытия.
Нет в разбитой России прямее,
нет поэта мощнее, чем я.

6 апреля 2007

СТИХОТВОРЕНИЕ УДАЛЕНО ПО ТРЕБОВАНИЮ РОСКОМНАДЗОРА

* * *

Впустую растрачены силы души
и жизнь пронеслась понапрасну.
Как в самой далёкой, безлюдной глуши, —
исчезну, замолкну, угасну.

Ненужными были стремленья мои
и были смешны ожиданья.
О, как долгожданно во мгле нелюбви
негромкое слово прощанья!

Всё было не так, всё я делал не то...
Желанным прощаньем утешусь.
Швейцар, поскорее подайте манто!
О, нет, я на нём не повешусь.

9 апреля 2007

* * *

Гражданственность исходит из любви.
Когда я пел о ясном поднебесье,
о море, звёздах и о русском лесе, —
в моей груди звенели соловьи.

Гражданственность исходит из любви.
Сибирь и Север я познал в работе,
душа сливалась со страной на взлёте,
кипели жизнь и страсть в моей крови.

Гражданственность исходит из любви.
И я стоял на русских баррикадах,
когда народ ввергали в бездну ада
и телесвора выла: «Бей, дави!»

Гражданственность исходит из любви.
Нет, мы в борьбе своей не проиграли,
хоть отступали и друзей теряли, —
грядет победа в праведной нови.

Гражданственность исходит из любви.
Да, без любви любое дело — тщетно,
слова — мертвы, молитва — безответна,
каких святых на помощь ни зови.
Гражданственность исходит из любви.

10 апреля 2007

* * *

Мир земной до странности жестоко
отовсюду гнал меня, кляня.
Было горько мне и одиноко.
Это ангел мой хранил меня.

Чтобы в мире грешном стать счастливым,
не истрачу я остаток сил.
Да, он был ко мне несправедливым.
Это значит — Бог меня любил.

5 мая 2007

* * *

Я дожил до весны,
до тепла, до травы, до листвы.
Снова птицы поют
надо мной в пробудившемся парке.
Устремляется взгляд
в глубину золотой синевы,
и ласкается май —
озорной, ослепительно яркий.

Жизнь еще не прошла.
Белый свет наполняет глаза.
Сердцу дорого всё,
что цветёт, зеленеет и дышит.
Даже города гул
и железных машин голоса,
омертвев, отошли,
их мой слух отрешенный не слышит.

Тополей аромат
Над ожившей аллеей висит.
Тянет ветви ко мне
молодое кленовое племя.
Бузина зацвела.
И вот-вот соловей засвистит.
И забудет душа
боль свою на какое-то время...

8 мая 2007

СТАНСЫ

Итак, читатель мой далекий,
свидетель суматошный дней,
тебе, быть может, эти строки
помогут стать чуть-чуть мудрей.

Сам разобрался ты едва ли,
в чём назначенье бытия,
что только глубиной печали
жизнь измеряется твоя.

Пусть не судил других ты строго
и безоглядно не грешил,
но если не познал ты Бога,
то зря на этом свете жил.

Пусть крепко ты с удачей дружен
и веришь в сладостный успех, —
когда тебе никто не нужен,
ты на земле сильнее всех.

И Богу будешь ты угоден,
душой доверившись Ему, —
тогда лишь истинно свободен,
когда не нужен никому.

16 мая 2007

* * *

Закона нет и власти нет.
Нас, точно атом, расщепляют.
Вождей народных, как цветмет,
в металлолом переплавляют.

И в этих подлых, чёрных днях
нас накрывает бед пучина,
чтоб о победах и вождях
не оставалось и помина.

27 мая 2007

* * *

Летний вечер, и свист соловья,
и ко всéнощной звон колокольный.
Осторожная радость моя
встрепенулась улыбкой невольной.

В тёмном парке — прохлада и тишь,
птичий щебет и зов соловьиный.
Тут всегда отрешенно молчишь
на скамье под ветвистой рябиной.

Звон вечерний и трель соловья
слух лелеют, как райское пенье.
Только тут одинокость моя
обретает и смысл и значенье.

И сидишь, и молчишь, не дыша,
и в глазах замирает улыбка.
Только тут отторгает душа
то, что в жизни ущербно и зыбко.

10 июня 2007

* * *

Желтый месяц в синем летнем небе,
тишина, застывшая в глазах...
Я сегодня пил, а вроде не́ пил —
звёздный блеск блуждает в небесах.

Под вселенским бесконечным светом
просквозила жизнь моя, как миг.
Только всё ж успел я стать поэтом,
в этом мире что-то я постиг.

Пусть к концу подходят жизни сроки,
нет причины мне жалеть о том,
ведь сияет месяц одинокий
над моим распахнутым окном...

21 июня 2007

* * *

Длинный день. Вершина лета.
В поле — стрёкот. Звон — в лесах.
Ночь, со страху явно, где-то
заблудилась впопыхах.
И застыл в багряном злате,
так похожий на рассвет,
на безоблачном закате
бирюзовый неба цвет.

23 июня 2007

* * *

Мне лето дарит солнечные дни,
травы, цветов и леса ароматы
и над рекой безумные закаты,
картинам фантастическим сродни.

Я ухожу в природу от людей,
от мерзких звуков, грохота и брани,
здесь после всех эстрадных завываний
душе спокойней, легче и светлей.

Плывут развалы белых облаков,
и тёплый ветер нежно гладит щеки,
и на опушке леса дуб высокий
мне шепчет тайны прожитых веков.

Я разлюбил осенних листьев грусть,
и я хочу с зимой навек проститься.
К живым деревьям и к поющим птицам
однажды я уйду и не вернусь.

29 июня 2007

В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Вместо речки — ручеёк,
продан детства дом.
И в окошке огонёк
скрыт глубоким сном.

Всё чужое: дом не тот,
и не тот забор,
пёс рычащий у ворот
и недобрый взор.

Здесь ли я играл в лапту
и гонял гусей?
Здесь ли высмотрел мечту
жизни всей своей?

Ухожу, и боль тоски
сердце бередит,
словно вслед из-под руки
бабушка глядит...

12 июля 2007

ЗАПРЕЩЁННЫЙ

Не посажен, не убит
и болезнью не разбит,
не казнён и не пленён...
Я в России — запрещён.

Да, в родной стране, друзья,
издавать меня *низзя*.
Только чем же так плохи
для людей мои стихи?

Просто, если их издать,
власти будут плохо спать.
Ведь стихи мои, как нож,
всех козлов бросают в дрожь.

16 июля 2007

* * *

Мы доигрались, мы дожили,
мы докатились, мы дошли...
Свой дом — насквозь распотрошили
и ничего не сберегли.

В умах — безмозглая свобода.
Под общий смех — повальный мор.
И равнодушная природа
глотает молча наш позор.

Паскудный сброд погряз в разврате.
И алчность властвует людьми.
И ждать ли Божьей благодати
стране, торгующей детьми?..

20 июля 2007

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Давно не нужный никому,
по иномарочной столице
измятый бомж бредёт во тьму,
не глядя на чужие лица.
А у него — сума пуста
и никакой другой одежды.
Но, потерявший все надежды,
живёт он помощью Христа.

В стране, где кровь течёт рекой
и слово правды — под прицелом,
удел неведомо какой
нас ждёт на этом свете белом.
Смолкают смелые уста,
смыкаются героев вежды...
Когда разбиты все надежды,
одна надежда — на Христа.

24 июля 2007

* * *

В конце июля птицы не поют —
у них птенцы растут, им не до пенья.
Прошла пора душистого цветенья —
леса плоды природы раздают.
В природе крепок нравственный закон —
теченье жизни продолжать и холить.
Но человек сумел себе позволить
в пустой игре поставить жизнь на кон.
И день за днём безумная игра
идёт за право беспредельной власти.
В сердцах кипят убийственные страсти.
А во дворах играет детвора.
Весь мир игра способна разметать,
и только шаг до полного крушенья...

В конце июля птицам не до пенья —
птенцы у них готовятся летать.

25 июля 2007

НАЕДИНЕ

Глядящими со стен святыми ликами
я освещён в потемках бытия.
Наедине с иконами и книгами
остывшая проходит жизнь моя.

Наставники мои и собеседники —
ведут меня упорно за собой,
души и тайных мыслей исповедники,
до гробовой доски — они со мной.

В своём привычном с детства одиночестве
всегда я был, на деле, не один.
Я это ощутил еще в отрочестве
и прожил с этим знаньем до седин.

Теперь, когда мой век уходит в прошлое,
смотрю на них, не потеряв лица.
Что есть во мне — плохое и хорошее —
лишь только им известно до конца.

Тоска любви мне станет оправданием,
утихнут боли всех моих потерь,
когда однажды с грустным ожиданием
они в свой мир и мне откроют дверь.

5 августа 2007

* * *

Словно за мечту мою в отплату,
жизнь и лето близятся к закату.
Но ещё во тьму не истекло
глаз и дней последнее тепло.
Но ещё струится свет небесный
в мир души чудесно-бестелесный,
и, отвергнув тьму могильных плит,
мир души заката избежит.
Будет в нём неистощимым лето,
будут вечны грусть и взгляд поэта,
леса шум и птичьи голоса,
и любви прозрачная слеза...

13 августа 2007

* * *

Вечернее небо остывшего лета...
Недолгий закат угасает прощально...
Дорога моя затеряется где-то,
и кто-то ее повторит изначально.
И в таинстве горнего круговорота
вот так до скончания белого света
всё будет зовуще сиять для кого-то
вечернее небо остывшего лета...

26 августа 2007

* * *

Прощай, зелёная пора.
Нагрянул праздник увяданья.
Всё повторилось, нам пора
всплакнуть в объятьях расставанья.

Последний летний день угас.
Туман дорогу застилает.
Холодный сон разделит нас.
И свидимся ль ещё — кто знает...

31 августа 2007

НАШЕ ГОРЕ

Мы идеями разделены,
и согласия нет между нами.
Наше горе не от войны,
наше горе — от мира с врагами.

Как придурки, за гибель страны
голосуем своими руками.
Наше горе не от войны,
наше горе — от мира с врагами.

Власть иуд и преступный Кавказ
долго с нами вожжаться не станут.
Если мы не восстанем сейчас,
то потомки уже не восстанут.

Мы витиями разведены,
мы дурманными ходим кругами.
Наше горе не от войны,
наше горе — от мира с врагами.

5 сентября 2007

* * *

Отчего так безумно тоскливо душе,
так томительно ей и тревожно?..
Воспалённая осень. Забыться уже
ни во сне, ни в вине невозможно.

Всё дожди и дожди шелестят день за днём —
как и не было бабьего лета.
Всё какая-то серая муть за окном,
и сквозь тучи не сыщешь просвета.

Видно, так уж судьбой до конца решено —
только грустью дышать и тревогой,
видно, так в небесах навсегда суждено —
мне идти одинокой дорогой.

Может, вымолю после прощенье за то,
что мой срок слишком пристально прожит.
Мне уже на земле не поможет никто
и ничто успокоить не сможет.

И безумно тоскливо уставшей душе
в полумрачной, давящей квартире,
словно жизнь — позади, и не будет уже
ничего для неё этом мире.

12 октября 2007

* * *

Солнце садится в октябрьскую хмарь,
золото клёнов на землю стекает.
В парке остывшем холодный фонарь
неописуемый свет источает.

Под фонарём на скамейке один
я созерцаю распутную осень.
Золото клёнов, берёз и осин,
тонко звеня, ударяется оземь.

Потусторонне сияет фонарь,
дней отлетевших сгущая смешенье.
Золото льётся и льётся янтарь
в мёртвом, до дрожи холодном свеченье.

Слышатся шорохи в близкой тени.
Тихо колышутся ветви рябины.
Гаснут во мраке опавшие дни.
Гроздья рябины горят, как рубины.

31 октября 2007

* * *

На день рожденья снегу навалило!
Метель с утра затмила небосвод.
Прошедшее едва ли будет мило.
А мне пошел шестидесятый год.

И называться это будет «старость» —
та, что грядёт за холодом зимы.
Уже в глазах заметнее усталость,
тоскливей свет от снежной кутерьмы.

Лес и поля уныло забелели,
застыв в осенней стуже ноября.
Кленовый лист в объятиях метели
еще трепещет, золотом горя...

14 ноября 2007

* * *

Я не умолк в стихах, и всё же
на безоглядном вираже
к чему твердить одно и то же?
Всё мною сказано уже.

Я столько слов из сердца выжал!
И столько словом лжи рассёк!
Кто мог услышать — тот услышал,
кто мог понять — тот понял всё.

8 января 2008

УЧАСТЬ

Мы умираем вместе со страной.
Народ и недра глухо иссякают.
Под равнодушной высью неземной
нас на сиротство в мире обрекают.

Да, никому мы больше не нужны.
Всем вышло в радость наше умиранье.
И нет у нас уже своей страны,
и недра — впредь чужое достоянье.

Все тайно ждут, когда не станет нас,
и жадно смотрят на простор великий.
Народ угас. Не слышен высший глас.
Молчат с тоской икон святые лики.

Не удержали мы большой судьбы,
в распыл пустив своё предназначенье.
И под укором предков, без борьбы
в слезах познаем участь сокрушенья.

Сожмёмся мы в холодной, злобной мгле,
чтоб кровью и душой не разлучиться,
чтоб под ярмом всемирным научиться
народом быть единым на земле.

9 января 2008

* * *

Мы в России еще остались,
нас к земле не смогли пригнуть...
Часто лиру мою пытались
задавить, придушить, заткнуть.
Но стихи, все пробив заслонки,
над страною летят, звеня!
Будут бездари и подонки
ненавидеть и клясть меня.
Будут злобиться, точно черти,
к жгучей боли моей глухи.
Но запомнит меня до смерти
тот, кто слышал мои стихи.

25 января 2008

* * *

Ты сам себя обрёк на одиночество,
решив, что так спокойнее и проще.
И сердцу полюбить уже не хочется,
как соловья услышать в зимней роще.

Остыло сердце, и уже не верится,
что груз годов окажется химерой,
что впереди еще тебе отмерится
любовной муки самой полной мерой.

В морозной дымке полуночной лунности
судьбе за всё останься благодарен.
Коль не сберёг свою любовь ты в юности, —
не будешь ею в старости одарен.

27 января 2008

НАКАНУНЕ

Хохот стоит над простором страны.
Вопли бесовские — в телерекламе.
В этом похабно галдящем бедламе
звуки родные уже не слышны.

Дикторов мерзких картавая речь.
Невыносимой попсы завыванья...
Знает о скором конце испытанья
Архистратига сияющий меч.

Наши сердца перед кровью большой
стойкой пропитаны анестезией.
Чёрные тучи плывут над Россией,
хмурое небо висит над Москвой...

3 февраля 2008

* * *

Пока ещё на улице светло,
короткий день пока не сдался ночи,
я буду сквозь оконное стекло
глазами ввысь стремиться что есть мочи.

Пробив густую плотность облаков,
мой взгляд прорвется к вышнему пределу,
я вновь увижу лучший из миров,
и стихнет всё, что в сердце наболело.

Я разглядеть сумею в мире том
живой, на миг блеснувший луч надежды,
его огнём таинственным влеком,
в его мгновенном свете неземном
я почерпну духовных сил, как прежде.

И будет день февральский стыть в окне,
и скоро серый воздух взгляд заполнит,
и грусть моя воротится ко мне,
и тяжесть в сердце о себе напомнит...

13 февраля 2008

* * *

Превратили в хохмаческий бред
стон российских народов...
Нас, не *избранных*, сводит на нет
власть моральных уродов.

Мы сгораем в безумном плену
их кровавых *доходов*.
Каждый день добивает страну
жизнь моральных уродов.

Бог от нас, от не сдавшихся, ждёт
сердца яростных всходов.
И одно лишь Россию спасёт —
смерть моральных уродов.

16 апреля 2008

НА ПЕРЕЛОМЕ

Памяти Николая Кузина

Моё уходит поколенье,
друзья уходят навсегда —
надежд познавшие крушенье
в несносно подлые года.
Ожгло предательское время
огнём коварства их сердца,
оно не совместимо с теми,
кто верен правде до конца.
Друзей высокая дорога
откроет времени печаль
другим годам... Еще немного —
мы все уйдём в глухую даль,
последние, кто в поколенье
хранит отцов великий дух
и в ком Победы отраженье
таят глаза, душа и слух,
кто чуда ждал в растленном Доме,
жить не желая без борьбы,
служа любви на переломе
России, мира и судьбы.

20 апреля 2008

* * *

Под весенним дождём я брожу день за днём,
не грустя, не жалея уже ни о чём.
И плывет над асфальтом апрельских аллей
аромат распустившихся тополей.

Первой ласковой зеленью полнится взгляд.
Но глаза любоваться весной не хотят.
Непонятной тревогой взволнована грудь.
Даже ночь не снимает смятенья ничуть.

Может, это расшатаны нервы совсем —
я себя не могу успокоить ничем.
И бреду словно тень в беспокойстве своём
под весенним, под нежным, под тихим дождём...

21 апреля 2008

* * *

И сирень, и каштан расцвели под окном,
значит, жизнь повернулась на лето.
Я запью эту радость печальным вином
горьковато-усталого цвета.

Отчего же не радует больше весна?
Что случилось во мне и в природе?
На каштанах и вишнях цветов белизна —
весть о скорой ненастной погоде.

Обесцветит ненастье сиреневый куст,
лепестки разлетятся по свету.
Снова сердце сожмёт непонятная грусть —
значит, время приблизится к лету.

В тополиной метели осветится взгляд,
устремлённый в небесную просинь.
И глядишь — одуванчики вдруг отгорят...
Значит, жизнь повернется на осень...

14 мая 2008

* * *

Не грусти, ты был поэтом.
Это что-то в мире значит.
Жизнь твоя надежды светом
для отверженных маячит.

Что с того, что небо хмуро
и деревья клонит ветер...
Не гляди на мир понуро,
всё познав на белом свете.

Было трудно. Было горько.
Одиноко. Ну так что же?
Ведь в окне — сияла зорька,
и тебя — любили тоже...

И в любимом, влажном взоре
ярких звёзд играли блики...
Видел ты закат над морем,
журавлей ты слышал клики.

Всё равно настанет лето.
Всадник ветра прочь ускачет.
Оглянись: ты был поэтом.
Это в мире что-то значит...

24 мая 2008

* * *

Пасмурный вечер, тяжёлые тучи,
трепет листвы на кустах...
Нет, мне уже никогда не наскучит
серая муть в небесах.
Ветер и дождь в среднерусской природе
грустному сердцу нужней,
в этой холодной ненастной погоде
легче ему и вольней.
Взгляд мой оживший спокоен и светел.
Сладостно дышится мне.
Скоро и сам я как дождь и как ветер
буду в родной стороне...

25 мая 2008

* * *

Когда уйдёт ублюдочная власть,
излишни будут наши ликованья.
За годы зверств, вранья и вымиранья
вошла в народ зараза одичанья,
нашла на многих подлости напасть.

Когда сбежит ублюдочная власть,
свою прислугу позабыв с испугу,
мы ясно поглядим в глаза друг другу,
мы пустим чашу полную по кругу
и за победу Бога выпьем всласть.

И чтоб душа во гневе не сожглась,
за всё оставим Господу отмщенье,
и у Него попросим мы прощенья
за наше слишком долгое терпенье,
когда уйдёт ублюдочная власть.

15 июня 2008

ПОРУКА

Что ты скажешь мне, Алёна,
через двадцать быстрых лет?..
1988 г.

Точно ветер за спиною,
как звезды мелькнувшей свет,
просвистели надо мною
эти двадцать быстрых лет.

Дни семейной непогоды
пережили ты и я.
Уместилась в эти годы
вся, Алёна, жизнь твоя.

Ты студентка, ты большая,
детство кончилось, и вот,
мир собою украшая,
смело входишь в зрелый год.

Мне одна теперь порука
в окруженье грозных сил:
если вдруг дождусь я внука, —
значит, не напрасно жил.

25 июня 2008

* * *

Белая акация в сквере городском
тихо осыпается медленным дождём.

На траве в сиянии золотых лучей
мирно чистит пёрышки стая голубей.

От акаций стелется бесподобный дух,
и порхает в воздухе голубиный пух.

Вспоминать не хочется ни о чём другом
благодатным вечером в сквере городском.

5 июля 2008

В ПЛЕНУ

Позабыв об отваге,
проморгали страну.
Вся Россия — концлагерь.
Мы — в позорном плену.
Наших предков свершенья
стали здесь не нужны.
И смешны возмущенья,
и обиды — смешны.
Наши «братья» для смеху
подло кинули нас.
Мы врагам на потеху
сдали Крым и Кавказ.
Иномарки и тряпки
оказались нужней,
и шуршащие бабки
стали чувствам родней.
Мы на баксы и жвачку
разменяли страну.
И стоим враскорячку
в этом телеплену...

20 июля 2008

* * *

Июльский полдень, половина лета.
Сияет солнце в синей высоте.
Цветы в полях под океаном света —
любовь Творца к тончайшей красоте.

Предназначенье нашей жизни бренной —
не объяснить, не разгадать вовек.
Есть два созданья высших во Вселенной,
Божественных — цветок и человек.

Волнует высь упругими лучами
природы летней трепетную кровь.
В сиянье поля нежными цветами
Бог выражает нам свою любовь.

И если в ком-то мы души не чаем, —
волненье дышит и у нас в крови.
Даря цветы, друг другу мы вручаем
частицу той Божественной любви.

23 июля 2008

ИХ ВРЕМЕНА

В Думе всех мастей иуды —
как враги в засаде.
Безголосые паскуды
блеют на эстраде.

От сердючки до собчачки
мерзость на экране,
полстраны, дрожа от ржачки,
млеет на диване.

Ржут дебилы до отключки
в умственном уродстве.
От собчачки до сердючки
все погрязли, как на случке,
в либеральном скотстве.

И рычит эфир, как цербер,
однородным сбродом,
тут и Познер, тут и Гербер,
тут и Веллер с Бродом.

Всё же харя у Сванидзе
с обезьяньей схожа.
Не дай Бог во сне приснится
этакая рожа.

Видно, долго ждать придется
времена другие.
Хорошо у нас живется
лишь врагам России.

26 июля 2008

ЧУЖИЕ

Одна и другая — чужие,
и нас по краям развели
две силы — Москва и Россия,
два полюса русской земли.

Нам стала враждебна столица.
Нас выгодней перемолоть.
Не сможем мы с ней породниться
и слиться в единую плоть.

Она всё черней и развратней,
ей грязные слаще слова.
Всё дальше и всё безвозвратней
уходит от русских Москва.

И скоро, ощеряясь клыками,
спеша опуститься в Содом,
она всем идущим за нами
устроит кровавый погром.

27 июля 2008

* * *

Да, мы на мир посмотрели,
к призрачной цели спеша...
Вот мы с тобой постарели...
Что ж ты всё плачешь, душа?
Ты всё никак не лишишься
силы огня своего,
ты всё никак не смиришься
с подлостью мира сего.
Знать бы, зачем, отчего же
ты мне досталась такой,
ведать бы, Господи Боже,
что мне поделать с тобой...

1 августа 2008

* * *

Ушёл июль, и лето — на закате,
короче дни, прохладней вечера.
Я не жалею больше об утрате
бессонных гроз, гремевших до утра.

Прошедших лет не повернуть обратно.
Зелёным листьям суждено истлеть.
И обо всём, ушедшем безвозвратно,
довольно мне грустить и сожалеть.

Всё на земле уходит и проходит.
И скоро листья с ветром улетят.
Лишь облака и звёзды в небосводе
на нас глазами вечности глядят.

Но верю, вновь зерном нальётся колос,
цветок опавший снова расцветёт,
и этот Божий дар — мой грустный голос
средь облаков и звёзд не пропадёт.

5 августа 2008

НА РУИНАХ ЦХИНВАЛА

Им долго жить в разрухе и печали,
золой и пеплом их не Бог занёс...
Играл оркестр в разгромленном Цхинвале,
и невозможно было спрятать слёз.

Больной стране еще одним уроком
предстала эта общая беда.
В зияющих, пустых глазницах окон
застыл предсмертный ужас навсегда.

Торжественно-молитвенные звуки
лились над чёрной копотью домов.
Росла надежда — этот свет Христов —
в глазах, остывших от сердечной муки.

Услышав и запомнив каждый взрыв,
все обойдя руины и воронки
и скорбный лик ладонями закрыв,
стояла Богородица в сторонке.

Играл оркестр, во тьме горели свечи,
вокруг умолкли птичьи голоса,
и слушали недвижно небеса
его звучанье в этот горький вечер.

Поджали когти ястребы войны,
но жаждут жертв кавказские капканы.
Уж сколько лет разорванной страны
кровоточа́т бесчисленные раны!

Над нами Божьей Матери покров —
как изболевших душ анестезия.
Нас крепче свяжет пролитая кровь,
Осетия, Абхазия, Россия...

23 августа 2008

* * *

Смотрю во тьму небес
последней ночью лета.
Остывшая тоска
молчит в моей груди.
Беззвёздный небосвод —
недобрая примета,
когда огни дорог
остались позади.

Холодная страна
давно души не греет.
Простудные дожди,
знобящие ветра...
Я слишком долго ждал,
что грусть мою развеет
однажды, как-нибудь
осенняя пора.

Но в северной стране
нет чувства безысходней.
Здесь, в общем, от него
не скрыться никому.
И чем оно сильней,
тем я душой свободней.
Я с ним пришел на свет,
и с ним уйду во тьму.

31 августа 2008, 23 ч. 45 мин.

НЕ НУЖНЫ

Мы спасали их от полной гибели,
поднимали к свету — столько раз!
И теперь — воочию увидели,
кем они являются для нас.

Жаль страны большой, и тем не менее
мы в конце концов понять должны:
не нужны нам Грузия с Арменией
и хохлы нам тоже не нужны.

1 сентября 2008

* * *

В Голицынском парке скамейки пусты,
в Голицынском парке — прохлада.
На клумбах широких сгорели цветы
в багряном огне листопада.

Аллеи безлюдны, качели — тихи,
устало-безмолвны деревья,
стада облаков, как немые стихи,
спешат в ледяные кочевья.

И вновь я простился с травой и листвой,
и лету сказал «до свиданья».
В Голицынском парке над хмурой водой —
небес и тепла угасанье.

Стою над водой и не холодно мне,
и прежнего нет сокрушенья.
Угрюмому сердцу спокойно вполне.
Бесслёзны души сожаленья.

Дорога осенняя жизни моей,
недолгие годы земные
и сумрак остывших, увядших аллей
сошлись и слились, как родные.

30 сентября 2008

* * *

Жёлтые бабочки в сером окне
трепетно кружатся, будто во сне.

Кто они? Что они? Отблески чьи?
Может, сгоревшие годы мои.

Может, мелькнувший из снов золотых
пепел угасших надежд молодых.

Может, забытые в сумраке дней
лица любимые жизни моей...

25 октября 2008

* * *

Шестьдесят остались за спиной.
Как ни странно, я их пережил.
Звёздный свет струится надо мной —
золотая весть небесных сил.

Шестьдесят — серьёзная пора,
откровенный разговор с судьбой,
каждый час опасная игра
с жизнью, смертью и самим собой.

Много было на веку борьбы,
слёз, ошибок, взлётов и побед.
Столько лет всевластные жлобы
погружали нас в пучину бед!

Видел я большой страны распад.
Ясно помню все свои грехи.
Из тоски, падений и утрат
вырастали жёсткие стихи.

Шестьдесят — мой невозвратный путь.
Не избыть его, не изменить.
Ни любви ушедшей не вернуть.
Ни шальных ночей не повторить.

Но живут на свете дочь и мать,
два родимых сердца на земле,
две души, которых не отнять,
звёздный свет, струящийся во мгле...

12 ноября 2008

НОВОЕ ВОЗМЕЗДИЕ

Всем расплата в избытке отмерена.
У расплаты — Божественный свет.
Два ботинка, летящих в Америку,
пострашнее крылатых ракет.

Не избегнуть их пламени адского,
не сломать роковую судьбу...
И печать от ботинка багдадского
ярко светит у Буша на лбу.

Если враг на последнее зарится, —
будут больно врагу отвечать.
И сияет на бушевской заднице
от второго ботинка печать.

26 декабря 2008

* * *

В другой стране, в другом тысячелетье...
Что это было? Сказка иль мечта?
Тоской души сумел переболеть я,
и вот — страна не та и жизнь не та.

В другой стране, в другом тысячелетье
мы оказались под пятой беды,
под игом тьмы, опутанные сетью
цинизма, лжи, насилья и вражды.

В другой стране, в другом тысячелетье
остались детство, юность и любовь...
Когда-то мир хотел душой согреть я...
Теракты, хохот, секс, разбой и кровь...

В другой стране, в другом тысячелетье...
Как дни, века над миром пролетят...
И может быть, в столетье двадцать третьем
стихи мои согреют чей-то взгляд...

29 декабря 2008

СТРАНА РОДНАЯ...

Предсмертно ржут дебилов залы,
в порочный мрак погружены.
И в Новый год звенят бокалы
под гимн разрушенной страны.

С экранов, быдлу на потребу,
текут жестокость и разврат.
...Летит Царь-колокол по небу
и беспрестанно бьёт в набат.

Но крику неба не внимая,
глядит в экран орда слепцов.
Безмолвствует страна родная
под смех мерзавцев и скотов.

14 января 2009

* * *

Серым огнём небо затмилось.
Сердце пошло на дно.
Вот и со мной это случилось —
надорвалось оно.
Нет, не прошли даром волненья,
нервный сказался путь...
Нудная боль сердцебиенья
давит виски и грудь.
Эту напасть словом врачуя,
с ночи и до утра
«Ты потерпи, — сердцу шепчу я, —
нам не пришла пора...»
Нам не пора с миром расстаться.
Руку прижав к груди,
тихо шепчу: «Рано сдаваться...
Ты подожди, подожди...»

4 февраля 2009

ВЗЯТИЕ КРЕМЛЯ

Героическая баллада

Наше солнце без нас не взойдёт.
2001 г.

Что же стало с Родиной моей!
Как повально люди измельчали!
Нет былой страны богатырей.
Есть страна убийственной печали.

Молодые не хотят рожать
в эти годы бедственно-лихие.
Некому врагов уничтожать
на просторах гибнущей России.

Врать и грабить нынче не грешно.
Никаким властям не стало веры.
Генералы скурвились давно,
и в себя стреляют офицеры.

Соберусь я с горечью своей,
моровой измучен свистопляской,
самых верных призову друзей —
встанем под часами башни Спасской.

Много знала Русь великих смут.
Но иссяк, как видно, дух бунтарский.
Прозвенят часы, и к нам сойдут
с пьедестала Минин и Пожарский.

Кликнем клич в живую даль веков,
коль страна бесстрашием ослабла, —
к нам прискачут в грохоте подков
Пересвет могучий и Ослябя.

Коль в стране крутых мужей изъян
и смердят ублюдки под скотами, —
к нам придут Степан и Емельян,
и Суворов тоже будет с нами.

В окруженье дьявольских измен,
чтоб рассеять этот мрак жидовский,
Сергий будет здесь, и Гермоген,
и упорный Серафим Саровский.

С Курской битвы под курантов бой
долетит орудий канонада.
Маршал Жуков наш возглавит строй
на коне победного парада.

Клеветой безумной обожжён,
Сталин подойдет и встанет рядом,
врассыпную затрусит ОМОН,
сгинув под его спокойным взглядом.

Перед самым часом грозовым
подбежит сибирская пехота,
и с ее напором штурмовым
распахнутся Спасские ворота.

Всей трусливой сволочи на страх
мы войдём в кремлевскую обитель —
патриот, мятежник и монах,
и святитель, и герой-воитель.

И знаменьем крестным осенясь,
смяв охрану в схватке скоротечной,
крикнем: «Кто здесь временные?! Слазь!
Мы вернулись! Мы пришли навечно!»

Но в Кремле не будет никого,
молча встретят нас пустые стены.
Растворятся в воздухе его,
как мираж, наперсники измены.

Нас обнимет храмов немота
горькой болью вековой утраты.
Слишком долго смерть и пустота
обживали царские палаты.

Но из жуткой этой пустоты,
гиблой тьмой разящей, как могила,
из тщеты и чёрной клеветы
вся совьется вражеская сила.

Мерзких бесов адский легион
будет выть и прыгать перед нами.
Стаей трупных грифов окружён,
выйдет Мёртвый с пьяными глазами.

Прогорланит по-вороньи: «Шта-а?!»,
отрыгнув гниением блевотным.
Телесвора — мразь и вшивота —
изойдет рычанием животным.

Сергий, Гермоген и Серафим
Крест поднимут со святой молитвой.
Каждый воин именем своим
поклянётся небу перед битвой.

Маршал Жуков, Разин, Пугачёв,
Пересвет, Ослябя и Суворов,
усмехнувшись на бесовский рёв,
без излишних споров и разборов

порешат нечистых порешить,
и начнется рубка злобных тварей,
будем их кромсать, косить, крошить
всё мощней, отчаянней и ярей.

Вдолбим в землю, искромсаем в пыль,
истолчем в ничто гнилое семя.
Били шведов с ляхами не мы ль?
И не мы ль спасали сучье племя?

Князь Пожарский отсечёт башку
Мертвецу с опухшими глазами,
завопит она: «Ку-ка-ре-ку-у!..»
и, взмахнув ослиными ушами,

улетит за море-океан
к другу Биллу как посланье смерти...
Весь паскудно-либеральный клан
за собой в огонь утащат черти.

Но другим — сияющим огнём
озарится ночь в родной Державе:
то взойдет навеки над Кремлем
солнце русских в золоте и славе.

Вождь с улыбкой приподнимет бровь,
скажет: «Здесь народа интересы...»
Правду, веру, доблесть и любовь
не осилят никакие бесы.

На Руси не будет больше смут.
Враг познает грозную науку.
Крепко Сталин с Мининым сожмут
каждому из нас плечо и руку.

Март 2009

СМЕРТЬ МАТЕРИ

Звёздный свет, струящийся во мгле...
12 ноября 2008 г.

Небесный блеск ночных лампад...
Весны промозглой снег и слякоть...
Ещё я долго буду плакать
над самой горькой из утрат.

Наркоза тягостный провал...
Надежд больничных упованья...
Я вместе с ней переживал
ее безумные страданья.

Мы с ней по жизни пронесли
груз нескончаемой печали...
Минуты смутные текли.
Всё понимая, мы молчали.

Запомнил я, что в этот миг
уже почти потусторонне
едва живой и скорбный лик
застыл, как будто на иконе.

В последний раз взглянули мы
в глаза друг другу. Сказка детства
мелькнула в памяти из тьмы
в тоске обрушенного сердца.

Вот и настиг нас чёрный срок
неизменяемой разлуки.
Прости мне, мама, что не смог
ничем твои облегчить муки.

Как жаль тепла далеких лет!..
Тех лет теплом проникнут весь я...

В холодном гулком поднебесье
дрожал померкший звёздный свет...

14 апреля 2009

* * *

По ночам не спится.
В сердце — непокой.
Не с кем поделиться
мне своей тоской.
Разом потерявший
почву жизни всей,
вижу взгляд уставший
матери моей.
Мы тоску познали
с нею наравне.
Все ее печали
перешли ко мне.
Видно, судеб сходство
свыше нам дано.

Позднего сиротства
горькое вино...

23 апреля 2009

* * *

К кому идти — не знаю.
И свечка — на столе.
Я детство вспоминаю.
А мать лежит в земле.

Синица прозвенела
о солнце и тепле.
Трава зазеленела.
А мать лежит в земле.

Хоть где б найти, хоть где бы
просвет в сердечной мгле...
Душа глядит на небо.
А мать лежит в земле.

5 мая 2009

* * *

На сердце боль ещё не отпускает,
ещё душа остывших слёз полна.
Не радует, не греет, не ласкает
дождливая, без матери, весна.

Свет из-за туч угрюмый, невысокий
тревожит лес, как взгляд из-под бровей.
И распевает голос одинокий
какой-то невесёлый соловей.

15 мая 2009

* * *

Теплом повеял первый летний день.
В тенистом парке отцвела сирень.
Застыл уныло белый одуванчик —
вчера горящий, солнечный обманщик.

Ольха роняет шишки над прудом,
вода сияет золотым огнём.
И небо, словно всё заране знает,
наш мир земной безмолвно созерцает.

И сам я сердцем знаю наперед,
что скоро в парке липа зацветет,
жасмин тропу наполнит сладким духом
и тополя осыплют землю пухом.

Вот так и небо знает, сколько бед
нам пережить дано и сколько лет.
И звёзды знают сроки неземные —
когда душа прозреет сны иные...

2 июня 2009

* * *

Пой, соловушка! Лето пришло.
Жизнь земная еще не угасла.
Разлилось голубое тепло.
Песнь твоя бесконечно прекрасна.

Пой, соловушка! Ветер утих.
Вечер дышит густым ароматом.
Тайну мира никто не постиг.
Я в неё проникаю на миг
с этой песней твоей и закатом.

Славный лирник, влюбленный поэт!..
Словно ангельский голос мне слышен...
На Земле Богоизбранной нет
ничего вдохновенней и выше.

12 июня 2009

* * *

Как жалко летнего тепла!
Оно и коротко, и зыбко.
Июля яркая улыбка,
неторопливый плеск весла...

Цветы, цветы... Вечерний свет...
Высоких лип густые тени...
Влюблённых поцелуйный бред
и женщин смуглые колени...

Истает этот нежный день,
иссякнет трав благоуханье,
плаксивых туч немая тень
загасит озера сиянье.

И долгий холод, серый цвет
откроют нам свои объятья.
И клину белому вослед
с былой тоской взгляну опять я...

13 июля 2009

* * *

Просто брожу по зелёным аллеям,
просто прохладой вечерней дышу.
Возле пруда, ни о чём не жалея,
просто на гладкую воду гляжу.
Ни вспоминать, ни грустить не желаю,
сердце устало томиться тоской.
Просто на синее небо взираю,
просто вдыхаю зелёный настой.
Воздух недвижен, бесшумны деревья,
птицы молчат, догорает закат...
...Милое детство, родная деревня,
бабушка, мать молодая и брат.
Речка живая бежит благодатно...
Господи... Что ж я... Опять и опять...
Близко, и зримо, и так невозвратно —
поле в цветах и весёлая мать...

28 июля 2009

СОКРОВЕННОСТЬ

В тени прохладной на исходе дня
моя скамейка в парке ждёт меня.
И тайны, и печаль души своей
я доверяю сокровенно ей.
Как много раз в минувшие года
я приходил из города сюда,
уберегаясь от безумств людских
среди друзей приветливых моих.
Под их негромкий монотонный шум
я передумал здесь немало дум,
и всем эстрадным воплям вопреки,
друзьям зелёным я читал стихи.
Стрижи кружились низко, у земли,
порхали рядом толстые шмели,
кормились белки, не боясь, из рук
и ворковали голуби вокруг.
Вот и теперь сквозь листья на зарю
с невольной отрешенностью смотрю.
Застыли ветви в хрупкой тишине,
и строчки сами ластятся ко мне.
Когда совсем стемнеет, я уйду
в неразбериху, грохот и вражду.
Но на закате завтрашнего дня
скамейка в парке будет ждать меня...

11 августа 2009

* * *

В этот вечер прощанья с теплом
я сумею припомнить о многом.
Чайка плавно взлетит над прудом
и о давнем забытом былом
прокричит мне в круженье высоком.

В грустный вечер прощанья с листовой
даже воздух беззвучно-недвижен.
Предосенний зелёный покой
с каждым днём был дороже и ближе.

Откружит, отшуршит листопад,
станет меньше и неба, и света.
Вот и этого быстрого лета
отгорает последний закат.

Пруд подёрнется синим стеклом,
колкий ветер мой голос остудит,
и всю зиму мне помниться будет
этот вечер прощанья с теплом...

31 августа 2009

* * *

Сентябрьское Чёрное море,
элитно-курортный сезон.
У бронзовых пляжниц во взоре
общенья тягучий резон.
Кипящие пенные волны,
бурляще-весёлый прибой.
Рискованной радости полный,
стою над бодрящей водой.
И слышу далёкие звуки
осенней балтийской волны,
когда накануне разлуки
мы были судьбой сведены.
Когда незабвенно-мгновенно
истаял наш сказочный срок...
И вот черноморская пена
ласкается нежно у ног.
У бронзовых пляжниц во взоре
разлито хмельное тепло...
Ах, самое синее море,
куда ты меня
завело?..

15 сентября 2009, Геленджик

* * *

Покуда мать жива —
ты не один на свете
и есть тебе к кому
приникнуть в горький час.
Пускай верны тебе
друзья, жена и дети,
но в жизни только мать
одна лишь не предаст.

Когда уходит мать,
душевного разлада
и с миром, и с собой
уже не избежать.
Слабеет свет в пути
и рушится преграда
меж смертью и тобой,
когда уходит мать.

15 октября 2009

* * *

Опадают листья, опадает жизнь,
всё уходит в вечность — больно, неизменно.
В мире этом бренном сколько ни кружись,
обратишься в землю, а земля — нетленна.

На аллеях терпкий запах октября,
и шуршат деревья платьями цветными,
клёны золотые, солнечно горя,
осыпают землю слитками резными.

И друзья уходят в землю навсегда,
нам свои печали щедро оставляя.
Пыльная дорога, серая вода
нас навеки свяжут в снах родного края.

Прошумят и стихнут жёлтые дожди,
и с метелью первой облетят берёзы...
Всё еще надеюсь — в дышащей груди
не остудят сердце белые морозы...

17 октября 2009

* * *

Всё позади. Любви не будет.
Дорога сердца коротка.
И ночью тягостной разбудит
одна лишь смертная тоска.

Я жизнь любил с огромной силой,
но мне известно наперёд,
что над моей глухой могилой
никто на свете не всплакнёт.

Судьба ни с кем уже не свяжет.
И я судьбу не прогневлю.
Но всё же кто-то с грустью скажет:
«Я так стихи его люблю!..»

В душе, забвенью недоступной,
останусь я, как дождь и снег.
С любовью этой неподкупной
не разлучимся мы вовек.

15 ноября 2009

* * *

Мой день ушёл, а я в ночи остался.
Мой невесёлый, мой осенний день.
И вслед за ним мой скорбный год умчался,
оставив мёртвых стен густую тень.

Истлел мой день, как серый лист опавший.
Лишь только мать была верна ему.
Но нет ее, свет жизни даровавшей,
а с ней и этот день ушёл во тьму.

Ночь с 13 на 14 ноября 2009

* * *

Еще одна унылая зима
вошла в мой дом, как вечное заклятье.
Я вновь, быть может, не сойду с ума
в ее бездушно-ледяном объятье.

Стою у потускневшего окна,
смотрю на снега лёгкое круженье.
Зима, как разведённая жена,
таит надежд метельное крушенье.

Несносно долго будет падать снег —
на год печальный, словно саван, ляжет.
Бессонной ночью чёрный человек
мне о прошедшей жизни не расскажет.

А сам я всё, что было, позабыл.
И не желаю вспоминать, что было...
Погасшим днём упавший снег накрыл
всё то, чем сердце мучилось и жило...

10 декабря 2009

МСТИТЕЛЬ

Зачем спасать Россию нам?
И муторно, и неохота...
...Трусит по снегу Росинант —
хромая кляча Дон Кихота.
Наездник стар, угрюм и сед.
Прогнили ржавые доспехи.
Но всё ж ему покоя нет
в чаду отъявленной потехи.
Одним на смех, другим на страх,
с кривым копьём ночной дорогой
он сквозь веков разор и прах
трусит на кляче хромоногой.
Печальный рыцарь и поэт,
грозит Божественной расплатой.
Верхом объездив белый свет,
он мстит за боль страны распятой.
Ему с пути нельзя свернуть.
Его судьбе не быть иною.
И озаряет грозный путь
огонь содомский за спиною...

12 декабря 2009

* * *

Мы живём в растерзанной России,
наши чувства, как в анестезии,
охладели от большой беды.
Над судьбой своей — уже не плачем,
боль и слёзы глубоко мы прячем,
только — раньше времени седы.

Мы уже на всё глядим бесстрастно,
и давно в России всё нам ясно.
Мы о прошлом больше не грустим.
Стиснув зубы, кулаки сжимаем,
и врагов мы поимённо знаем,
и до дней последних — не простим.

20 декабря 2009

СЛОВО И ДЕЛО

Генералы не способны стать вождями,
генералы только могут быть вожжами
для исхлестанной, для вздыбленной страны.
В годы те, когда горланил хлыщ беспалый,
трусоваты оказались генералы,
бестолковы, бесполезны и смешны.

Несвободны и зашоренно-отсталы,
нет, героями не будут генералы,
за собою в бой уже не поведут.
С животами, как беременные клячи,
продадутся за квартиры и за дачи
и Россию хладнокровно предадут.

Ни крушение страны, ни страх расстрела
не сподобят их на праведное дело.
За народ они не встанут никогда.
Час возмездия, как гром, однажды грянет,
и большой народ очнется и восстанет, —
разбегутся генералы кто куда.

Только тот, кто сердцем светел и отважен,
кто душой неколебим и не продажен,
скажет нужные и точные слова.
А за словом будет правильное дело.
И народ сквозь перекрестие прицела
разглядит свои законные права.

27 декабря 2009

* * *

Среди надежд, среди невзгод
в моём шальном житье
ещё один печальный год
ушел в небытие.
И сколько дум, и сколько слёз —
их нить не проследить —
бесследно он во тьму унёс,
чтоб там похоронить...

31 декабря 2009

ПЕЧАТЬ

Их отъявленный блуд
врос в большую беду.
Торжествуют и жрут
у страны на виду.

И потоп, и пожар,
и паскудный бедлам...
А Чубайс и Гайдар —
Божья кара всем нам.

Их эфирный галдеж,
их всемирная вонь,
их ехидная ложь,
их содомский огонь...

Русофобский угар,
смрадный культ кошелька...
А Чубайс и Гайдар —
их печать на века.

3 января 2010

* * *

Любовь несчастная моя...
Другой не будет.
В сетях земного бытия
кто нас рассудит?

Моя любовь казалась мне
тоской поэта.
И всё ж в душевной глубине
я ждал ответа.

«Нет, со своей тоской души
ты просто скучен.
Во мраке хохота и лжи
кому ты нужен? —
себе внушал я, говоря: —
Не жди признанья.
Ты отдаёшь себя зазря
ей на закланье.
И безответны будут вновь
слова живые...»

Моя несчастная любовь...
Любовь к России.

10 января 2010 г.

РУССКОЕ РАЗДОЛЬЕ

Морозный воздух, снег искрится,
но детям холод нипочём,
весь день у них сияют лица,
с горы летящих кто на чём.

И крик, и визг, и смех, и слёзы,
и лай в собачьей беготне,
и свадьбы хохот нетверёзый,
скользящей с горки на спине.

Пар изо рта, и щёк румянец,
и блеск в распахнутых глазах,
и золотого неба глянец,
и снежной радости размах!..

Живое русское раздолье!
Сплошных эмоций шумный вспорх!
Души азартное застолье
и сердца сладостный восторг!..

22 января 2010 г.

ГОЛОС МОИХ ПРЕДКОВ

Это ж сколько ушло поколений
и сожглось отстрадавших сердец,
чтоб для ясных души озарений
я пришел в этот мир наконец!
Чтобы эти души озаренья
воспылали из тьмы вековой,
чтоб убитые мраком забвенья
наконец встали рядом со мной.
Чтоб отважно, спокойно, сурово
голос предков из праха восстал,
чтоб заветное русское слово
я жестокому свету сказал.
Да, трудились они не напрасно
до меня на российской земле.
И страдали они не безгласно,
и не сгинули глухо во мгле.

6 февраля 2010

* * *

Свет надежды, в нашу ночь забредший,
разогнув, с колен поможет встать...
На руинах Родины ушедшей
нам ещё позволено мечтать.

Нам ещё дозволено подумать
о своей возвышенной судьбе.
Можем мы угрюмо, но без шума
меж собой погрезить о борьбе.

Как ни странно, мы имеем право
вспомнить старых песен красоту.
Мы в душе лелеем величаво
нашей славы прошлой высоту.

И не спящей памяти жар-птица
бередит в сердцах небесный дар...
Из надежды тихой возгорится
грозный очищающий пожар.

12 февраля 2010

* * *

Блестит закатный окоём,
как на восходе...
В окне светлее с каждым днём.
Зима уходит.
Ей расставанье тяжело,
как умиранье.
И взгляд ее заволокло
слезы мерцанье.

Поплачь, зима, нам не дано
любить друг друга,
хоть и венчали нас давно
мороз да вьюга.
Хоть и не знаю никого,
кто стал бы ближе...
Обрывы сердца моего
легко предвижу.

Поплачь, зима, и уходи.
Не жди ответа.
И сны мои не береди
в соблазнах лета.
С собой, не надо, не зови.
Наш срок отмерен...
Тебе я даже без любви
останусь верен.

10 марта 2010

* * *

Все игрушки-ловушки,
все наши дела — трын-трава.
У России был Пушкин,
и этим Россия жива.

Ни ракеты, ни пушки
не значат для нас ни рожна.
У России был Пушкин,
и этим спасется она.

10 марта 2010

* * *

В чаду безумных выборных комедий
густеет сонм сирот, бомжей и вдов.
Чем выше у страны число трагедий,
тем больше у министров орденов.

И поделили нас, и разделили.
Кто был никем, тот стал в России всем.
Чем больше на экране всякой гнили,
тем веселей тому, кто глух и нем.

Одни бездушно и бессменно правят,
другие молча смотрят и жуют.
Одни взрывают, грабят, режут, травят,
другие ржут и радостно поют...

12 апреля 2010

* * *

Птичий гомон весеннего леса,
ароматы листвы молодой...

Мчится с рёвом и свистом железо,
раскаляя асфальт под собой.

Жрёт железо и воздух, и сушу,
убивая и слух наш, и взгляд.

А соловушка трогает душу,
и берёзы о прошлом шумят...

17 мая 2010

* * *

Лето начинается с дождей.
Дышит в окна свежая прохлада.
И на сердце только веселей,
оттого что прятаться не надо
от ветров, дождей и холодов.
Чудно летом при любой погоде.
Хлопотливой суетой скворцов,
стрекотливой смелостью дроздов
целый день любуюсь на природе.
Не пугают суетливых птиц
даже грома дерзкие раскаты.
И когда под зарево заката
день стихает в отблесках зарниц,
я люблю смотреть на небеса
над озёрной тёмною водою,
чтоб ничьи земные голоса
не слышны мне были за спиною...

8 июня 2010

* * *

Судьба нас всех по кругу гонит.
И в этой спешке — все сгорим.
В летящем под землёй вагоне
глаза в глаза — вдвоём стоим.
Мы под землёй летим по кругу.
Под свист и шум. Куда? Зачем?
Без слов глядим в глаза друг другу,
нигде не связаны ничем.
Летит вагон. Чужие люди,
уйдя в себя, не вспомнят нас.
Никто на свете знать не будет,
что видел я лишь только раз
ее глаза... На остановке
я через круг сойду во тьму,
с чужим плечом столкнусь неловко,
став безответным ко всему.
Среди толпящихся, галдящих
мы не расстанемся никак.
Сжигает всех, во тьму сходящих,
летящий свет, свистящий мрак.
Ждём неизбежную разлуку
мы, отражённые в стекле.
И всё еще летит по кругу
небесный взгляд в подземной мгле...

30 июня 2010

* * *

Дышу лесным дыханьем лета,
зелёным сумраком дышу.
И ни тепла уже, ни света
себе у лета не прошу.
Прошу прохлады, ветра, тени...
И в тишине по вечерам
вдыхаю дух лесных растений,
как исцеляющий бальзам.

7 июля 2010

* * *

Мы стали безвольны, никчемны, смешны.
Близка к эпилогу печальная драма.
Торчат на экране убийцы страны,
лжецы и подонки не сходят с экрана.

Когда выживанием занят народ,
ему не важны ни страна, ни свобода.
В безликой России великий разброд.
Иссохла Россия от быдла и сброда.

Пивная гульба и ночная пальба,
кавказцы, менты и свои обезьяны...
Не сдавшихся русских заставит судьба
из каменных джунглей уйти в партизаны.

Разбитым не выжить без новой войны.
Иль всё еще мало плевали нам в морду?!
Без русской земли мы не будем нужны
ни новым хазарам, ни Богу, ни чёрту.

10 июля 2010

* * *

Всё не так, как хотелось бы нам на земле.
То дожди, то мороз, то жара...
Завтра будем жалеть об ушедшем тепле,
о зарницах, погасших вчера.

Наша бренная жизнь коротка и хрупка.
Оглянёшься — и всё позади.
К седине на висках прикоснёшься слегка —
и тоска шевельнется в груди.

Ярко месячный рог золотится в окне,
одиноко сияет звезда...
Все печали истлеют в сердечном огне,
и мечту успокоят года.

Перед небом ночным встрепенётся душа,
тишины мировой посреди,
оглянётся на жизнь, никуда не спеша,
и увидит, что всё впереди...

18 июля 2010

ЭТО КРУТО

(Шутка)

Я купил себе ботинки,
А верней — полуботинки.
В них я вышел на проспект,
все сказали мне: «Респе-е-ект!..»

Хороши мои ботинки.
А верней — полуботинки.
Сам себе крутым кажусь.
В них я даже спать ложусь.

20 июля 2010

* * *

Тонок сердца прерывистый стук.
Выпить водки с отчаянья, что ли?
Жизнь моя — как натянутый лук,
ни покоя не знает, ни воли.

Так до самого, друг мой, креста
эта жизнь пронесётся, как ветер.
Но в бесшумном паденье листа
смысла вечного больше на свете.

25 июля 2010

ОГОНЬ 2010

Страна и в дыму, и в огне.
В России мы все погорельцы.
Известной безмозглой шпане
пора уложиться на рельсы.

Нам трудно и горько дышать
в больной почерневшей России.
На вражью всевластную рать
идет наступленье стихии.

Москву окружает огонь,
сжигая и небо, и сушу.
И вся либеральная вонь
со страху выходит наружу.

8 августа

* * *

Ушла жара, и закатилось лето,
как чья-то жизнь, похожая на сон.
Прохладный вечер — стойкая примета
того, что шум осенний предрешён.

Он где-то рядом, хоть ещё не слышен,
ещё легки, прозрачны облака,
безмолвный лес, как прежде, неподвижен,
вода в пруду бесплотна и гладка.

Но сроки вышли. Огненное лето
нам навсегда запомнить суждено.
Оно, быть может, яркая примета
иных времен, стучащихся в окно...

20 августа 2010

* * *

Устал я от вечной войны,
и сердце стремится к покою.
Но, духом вражды скреплены,
подонки воюют со мною.

Во тьме, как круги на воде,
бесследно исчезнут подонки.
И только по этой вражде
их, может, запомнят потомки.

27 августа 2010

СТУПЕНИ ЛЕСТВИЦЫ

Лес в ожидании прощанья.
Померкла сонная листва.
Душа в расцвете увяданья
за землю держится едва.

И нет уже тоски по лету,
иссяк его последний день.
И так легко к иному свету
взойти на первую ступень.

Обиды, слёзы, сокрушенья
и прегрешенья — с плеч долой!..
И всё ж земное притяженье
не даст подняться ко второй.

31 августа 2010

* * *

Нас образумит, может быть,
лишь тьма немыслимых трагедий.
«Мы», 2004 г.

Не образумит нас ничто —
ни плач икон, ни тьма трагедий.
Всё грезим мы пустой мечтой
о незлобивости соседей.

Нас будут резать и взрывать
день изо дня и год от года.
Но наш удел — голосовать
покорно за врагов народа.

Пришельцы вытесняют нас,
шагая плотными рядами.
Их беспощадный волчий глаз
поживу рыщет между нами.

Нет веры — значит, силы нет
и воли нет спастись, как прежде.
В сердцах угас надежды свет,
во тьме потерян путь к надежде.

Нам лучше не смотреть вперёд —
душа замрет от потрясенья.
Когда страну предал народ,
лишь у героев есть спасенье.

13 сентября 2010

* * *

Господи, не торопи,
я ещё не всё успел,
дух мой нищий укрепи
в безрассудстве тщетных дел.
Господи, не торопи.

Сердце глупое моё
боль земную вобрало.
Боль земная, от неё
горькой кровью истекло
сердце глупое моё.

Надо мне совсем чуть-чуть
в окаянстве чёрных дней,
чтоб осилить смертный путь
вместе с Родиной моей.
Господи, совсем чуть-чуть...

30 сентября 2010

* * *

Что ж, я тоже не был на Босфоре.
И нисколько не грущу о нём.
Лип и кленов радужное море
взор мой греет ласковым огнём.

В ледяной воде играют блики
запредельных золотых лучей,
и мерцают листья, словно лики
безвозвратно отсиявших дней.

Буйством красок северная осень
будоражит ненасытный взор.
С новью наших осеней и вёсен
не сравнится никакой Босфор.

19 октября 2010

* * *

Хмурое небо и смутное,
листьев летящая ржавь...
Горечь моя бесприютная,
ты уж приют мой оставь.

Нудная и неприветная —
наша сердечная связь.
Как сирота безответная,
слишком ты здесь прижилась...

Небо чужое и тёмное.
Долгие спазмы в груди...
И отвечает бездомная:
«Некуда больше идти...»

29 октября 2010

* * *

Бесцветно, пасмурно и сыро,
уныло и оголено...
Холодным воздухом полмира
в смиренный плен заключено.

Предзимье будет скоротечным
в краю погодных перемен.
Но для кого-то станет вечным
холодный плен, холодный плен...

А время мчится быстрым бегом.
И чистый свет душа хранит...
Простудный ветер. Дождь со снегом.
И мать уже не позвонит.

3 ноября 2010

* * *

Нам этот мир не мил,
ведь мира нет меж нами.
Кто нас опять стравил
друг с другом, как с волками?

Врагами отчего
мы смотрим брат на брата?
Потерян смысл всего,
чем жили мы когда-то.

Бредя чужим путём
с гапонами чужими,
свой путь мы не найдём,
не сможем стать другими.

Но если в толк возьмём,
кто сделал нас такими,
то, может быть, поймём,
что нужно сделать с ними...

1 декабря 2010

КРИК

Время нелюдей, время зверей.
Мы — за гранью добра и прощенья.
У растерзанных русских детей
нет законного права отмщенья.

Наши дети не в силах молчать.
Кто бесстрашен, тот будет услышан.
Им осталось бесправно кричать
о законе, дарованном свыше.

Ими пройден терпенья рубеж.
Крик детей до безумства неистов.
Кровный зов их привел на Манеж,
наших про́клятых дней декабристов.

Власть трясётся от крика детей,
не скрывая когтей и оскала.
Неумолчный, над Родиной всей
реет крик. Это только начало.

20 декабря 2010

ВЛАДИМИРУ КВАЧКОВУ

Держись, полковник, за тобой страна.
2004 г.

«Перевороты», «путчи», «мятежи» —
хмельные сны беспутной этой власти.
Все муляжи ее и миражи
мерзей любой привязчивой напасти.

Плевать ей на чубайсов и цапков —
перепугал ее до нервной дрожи
неустрашимый, боевой Квачков
и русский клич горластой молодёжи.

Фанатский сбор ей будет как мятеж
и Русский марш покажется восстаньем...
Но Ополченье выйдет на Манеж,
а с ним спецназ — с недолгим опозданьем.

Крепись, полковник! Отчая земля
стряхнёт с себя изменников презренных.
Весь Русский мир придёт к стенам Кремля,
чтоб сокрушить мучителей застенных...

25 декабря 2010

* * *

Взорвётся криком яростным Москва,
и пророкочет эхо по России.
Слепая власть больного меньшинства
уйдёт навеки за моря чужие.

Но вспомним ли раздрай наш и раскол?
И что в чаду отчаянья сплошного
к победе нас, растерянных, привёл
бесстрашный зов полковника Квачкова?..

26 декабря 2010

* * *

Обледеневшая Россия,
заледенелая Москва...
Столица, сколько ни проси я,
не скажет ясные слова.

Слова, летящие как птицы,
слова, манящие как свет,
слова, как искренние лица,
слова, в которых боли нет.

Обледеневшие деревья
застыли в серой пелене.
Метель сокроет город древний,
исчезнем мы в глухой войне.

День, отмирая, быстро тает,
и долгий снег, вмерзая в лёд,
остывший город заметает,
пока совсем не заметёт...

29 декабря 2010

* * *

«А снег идёт, а снег идёт...» —
пластинка старая поёт.
И мой смурной недолгий век
прошел под этот светлый снег.

От детских лет до наших бед
ложился снег за мной вослед,
и сколько б лиц ни вспомнил я,
покрыта им вся жизнь моя.

А он идёт... Под этот снег
никто не скажет мне вовек,
зачем вот так угасшим днём
струится он под фонарём?..

Никто не скажет, отчего
в извивах сердца моего
весь вечер тихо, без помех
кружится чистый, светлый снег?..

21 января 2011

* * *

Мы на грани грозных перемен.
Что несут они — никто не знает.
После всех иудиных измен
нас ничем судьба не испугает.

Что нас ждёт — победа или мрак?
Всё иное будет хуже смерти.
На глазах у нас извечный враг
рушит жизнь и сеет липкий страх
в этой зверской злобной круговерти.

Множит враг безумную вражду
и хохочет яростно с экрана.
У страны застывшей на виду
топчет враг плененного Ивана.

Но прорвав кровавый этот плен,
мы придем к экранным вражьим рожам...
И на грани грозных перемен
всех запомнить мы, конечно, сможем.

27 февраля 2011

* * *

Вьюжит в марте, как ранней зимой,
сад заносит метелицей белой.
Вот опять над моей головой
тучи, тучи летят ошалело.

Сколько их! И откуда? Куда?
И с какими ветрами шальными?..
То ли ночь, то ль иная беда
приближается следом за ними...

Тучи, тучи — низки и темны —
будто ищут кого одичало...
Непогода. Начало весны.
Грозовых испытаний начало.

23 марта 2011

* * *

И вновь весна! Какое чудо!
Какое сладкое вино!
Души истаяла остуда
со льдом и снегом заодно.

Набухли почками каштаны,
зазеленели тополя,
травы пьянящие дурманы
исторгла сочная земля.

И дождь с грозой, и луч горячий,
и невечерний дивный свет...
Глаза на мир глядят иначе,
и мне не так уж много лет...

30 апреля 2011

* * *

В случайные минуты вечерней тишины
на сумрачное небо глаза устремлены.

Вся жизнь моя былая проходит предо мной,
безумная, шальная — весь горький путь земной.

Дорог моих ухабы прошедший век сокрыл.
Я вижу то, что помню, и то, что позабыл.

Гляжу на свод небесный, гляжу на жизнь свою,
на этот путь смертельный — и молча слёзы лью.

И всё ж бездонной далью глаза оживлены
в столь редкие минуты вечерней тишины.

20 мая 2011

* * *

В летнем лесу аромат и прохлада,
лиственный свет.
Милая, думать о прошлом не надо,
прошлого нет.

В летнем лесу соловьиное пенье,
стрёкот дроздов.
Милая, нежного сердца волненье
слышно без слов.

В летнем лесу даже воздух недвижен.
День не угас.
Милая, всё, что мы видим и слышим,
только для нас.

В летнем лесу провиденьем природы
мы сведены.
Милая, прошлые мёртвые годы
нам не страшны.

1 июня 2011

* * *

Ласточки летают высоко,
им вольготно в небе и легко,
им в избытке радостного срока.
Я в осоке на спине лежу,
взглядом синий купол обвожу —
И широ́ко небо, и высо́ко.

Под бездонным куполом небес
нам даны поля, вода и лес,
и с лихвою — радостного срока.
Всем хватает места на земле,
всем довольно хлеба на столе,
всех к погосту выведет дорога.

Но придумал кто-то нам вражду
и войны бессудную беду,
научил убийству этот кто-то.
Человек стреляет далеко,
человек взлетает высоко,
мчась быстрее птичьего полёта.

Но безумствам нашим вопреки
тёплый ветер веет от реки,
шелестит упругая осока.
Я обласкан бережной травой.
Ласточки кружатся надо мной.
И светило жаркое — высо́ко.

2 июня 2011

БОЖИЙ ГЛАС

Распявшие Христа,
убившие царя...
1999 г.

Всё должно когда-то сбыться.
Русский царь — есть Божий глас.
Не отмыться вам, не скрыться.
Кровь его горит на вас.
Не уйдёте от ответа,
службу чёрную творя,
и расплатитесь за это,
вы, убившие царя.
Зреет грозное отмщенье,
приближая день и час.
Нет, не будет вам прощенья.
Кровь его — на всех на вас.

3 июня 2011

НА СМЕРТЬ ПОЛКОВНИКА БУДАНОВА

Осудили его и убили
после ельцинско-волчьей войны.
Ритуально, прилюдно казнили
на глазах у жены и страны.

Нынче праздник для всех отморозков,
для зубастых шакалов и крыс —
кто гортанит со всех перекрёстков,
кто России колени изгрыз.

Власть молчит, ухмыляясь экранно.
Полицаи стоят враскоряк.
Смертоносно грохочет реклама
и до рвоты гогочет «Маяк».

Окруженье кремлевских капканов
нам пора бы прорвать наконец.
Пусть застынет полковник Буданов
в горькой памяти русских сердец.

В мертвой хватке сплотившихся мафий
кто пробьёт долгожданную брешь?
Нам остались Квачков и Каддафи —
два полковника наших надежд.

На дорогах широких и узких
нет защиты надёжней, чем ствол.
Головами солдатиков русских
волчьи стаи играют в футбол.

10 июня 2011

ФРОНТ

Когда народ стремится на войну,
никто его остановить не сможет.
Порвали нам терпения струну,
в нас месть и злость пульсируют до дрожи.
Война созрела в нервах и мозгах.
Душить врага нас власти не отучат.
В крови дотла сгорел подкожный страх.
Им нужен Фронт? Они его получат.

14 июня 2011

* * *

В парке листья бесшумно дрожат —
тишину берегут.
По аллеям плывёт аромат —
в парке липы цветут.

Был я страстен, беспечен и смел,
жизнь бурлила в крови,
были в проблесках муторных дел
все стихи о любви.

Ясных глаз пересохла река
и осыпались дни.
Всё грустней седина у виска,
сколько грусть ни гони.

Я на жаркое лето смотрю
из прохлады теней.
Дуб закатную прячет зарю
и молчит соловей.

1 июля 2011

* * *

Бредя по снегу бывшему,
объяты смутным сном,
тоскуем по уплывшему,
мечтаем о былом...

Зовёт нас песня старая
в отцветшую весну...
Россия, как «Булгария»,
с людьми ушла ко дну.

Еще не раз минувшее
приснится на заре.
Россия затонувшая
всплыла на миг в Сагре...*

17 июля 2011

* С а г р а — поселок в Свердловской обл., жители которого дали достойный отпор вооруженной кавказской банде.

ТОЛЕРАНТНАЯ ЗОНА

Нас травят, взрывают и в тюрьмах гноят,
сжигают, стреляют и топят.
Нам в уши вливают покорности яд,
глуша еле слышимый ропот.
Абреки нас всех перерезать не прочь —
их тащат сюда кровососы.
Крапивное племя строчит день и ночь
доносы, доносы, доносы.
Для русских на свете не стало страны.
Мы здесь, в эпицентре распада, —
приблудные дети гражданской войны,
никчемное лишнее стадо.
Где властью обласкан любой аферист,
страна — толерантная зона.
Мы знаем: здесь каждый из нас — экстремист
и каждый из нас — вне закона.

24 июля 2011

ПУТЬ ХРИСТА

Нельзя вторгаться в область Бога —
настигнет душу слепота.
У каждого своя дорога.
Не претендуй на Путь Христа.

Свет вифлеемский всем нам светит.
Глазам не верить нет причин.
Да, в мире все мы Божьи дети.
Но Сын и Путь Его — один.

9 августа 2011

* * *

Август спасает от боли сердечной,
август наводит на светлую грусть...
С горечью жизни своей быстротечной
я никогда, ни за что не смирюсь.

Время — безумно, а сердцу — тревожно.
Век пронесётся, как поезд ночной.
Скажут: «Ему позавидовать можно,
был он рождён под счастливой звездой...»

Счастьем, как видно, мне стали печали.
Нет, не мечтал я судьбу обмануть.
Верил я в жертвенный, слёзный вначале,
свыше дарованный — избранный путь.

Август, как жизнь, истекает и тает.
Осень в преддверье хмельной ворожбы.
Листья слетают, и ветер листает
чью-то забытую книгу судьбы...

17 августа 2011

* * *

Время лету прощаться с землёй.
Отцвело, отсияло, отпело...
Неотступное время приспело
певчим птицам смешаться с зарёй,
улетая от нас на юга —
за турецкое жаркое море.
С нами вьюги, морозы, снега,
как с родными, обнимутся вскоре.
Мы, как прежде, полюбим метель,
мы певцов позабудем крылатых.
И зачем у реки на закатах
так тоскливо кричит коростель?..

14 сентября 2011

* * *

Сам себя судьбе доверю
и на плахе, и в тюрьме.
Просто верю, слишком верю
в свет живой в бездонной тьме.

Но тоски и слёз не спрячу
перед самым горьким сном —
каждый взгляд родной оплачу,
каждый куст в окне моём...

И душа с небесной тверди
в миг, когда от всех уйду,
разглядит в колодце смерти
жизни яркую звезду...

16 сентября 2011

ДНИ

Осеннее поле уныло и немо,
смотрю на деревьев летящую медь,
смотрю на холодное низкое небо —
могу бесконечно на это смотреть.

Но русскому сердцу не будет покоя.
Мы в мире жестоком остались одни.
Я помню весёлое время иное,
я вижу безумные, зверские дни.

Смердит телеящик скабрёзным показом,
изводит Россию кремлёвский дурдом,
столица затравлена чёрным «кавказом»
и зреет осмысленный русский погром.

17 сентября 2011

* * *

Что-то в мире случилось такое,
отчего защемило в груди.
Липа кроной шумит надо мною
золотых облаков посреди.
Листопад, предвечерье, прохлада...
В сонном парке тропинки темны...
Ах, душа, не кручинься, не надо,
мы ещё доживём до весны.
Но замри и прочувствуй мгновенье,
как в распахнутых детских глазах.
Клёнов красных в пруду отраженье,
ветра лиственный, шелестный взмах...
Кучевых облаков позолота,
светло-рыжая проседь берёз...
Мы не можем с тобой отчего-то
не любить эту землю до слёз.

29 сентября 2011

* * *

Друг мой, быть может, я скоро умру.
Слишком душа истомилась в миру.
Сердце не годно уже ни к чему,
в жизни с избытком досталось ему.

Друг мой, не надо грустить обо мне.
Мёртвый, врагам я опасен вдвойне.
Сердце, отвергшее немощный страх,
будет по-прежнему биться в стихах.

Друг мой, отчаянной страстью горя,
мы за Россию боролись не зря.
Верю, навеки надежду храня:
будет в победе частица меня.

17 октября 2011 г.

* * *

Бабье лето в октябре,
золотое искушенье,
мельтешенье и смешенье
снов, застывших в янтаре.

Бабье лето в октябре.
Чудный осени подарок.
До озноба чист и ярок
синий купол на заре.

Бабье лето в октябре.
Все берёзы — огнелики.
На пруду сияют блики,
как на чёрном серебре.

В этой солнечной игре
листьев, неба, водной глади
отгорает осень ради
свадьбы сердца в октябре.

19 октября 2011

* * *

Снова сердце радо зареву заката
и лесной рябины перезревшим кистям.
И опять бесцельно я бреду куда-то
по опавшим листьям, по опавшим листьям.

Дни уходят в вечность. Где-то ждет расплата.
Кто-то вслед с ухмылкой смотрит взглядом лисьим.
Но всю жизнь с надеждой я бреду куда-то
по опавшим листьям, по опавшим листьям...

1 ноября 2011

* * *

Сколько раз такое было:
снег в окне летел уныло,
и в глаза смотрело небо
сонно, сумрачно и немо.
Вот и снова с прежней верой
в этот день холодно-серый
жду письма, звонка иль гостя,
точно нищий на погосте,
как блаженный возле храма...
И в который раз упрямо,
как причуда наважденья,
валит снег на день рожденья...

13 ноября 2011

* * *

И в ноябре бывает солнце!
Как исцеленье хмурым дням...
Из туч сквозь узкое оконце
его лучи пробились к нам,
затрепетали, заискрились
на не сорвавшемся листе,
на льдистых лужах отразились,
на белой гладкой бересте,
в глазах прохожей незнакомки,
на улыбнувшихся губах...
И в набегающей позёмке
я не спешу ускорить шаг...

18 ноября 2011

* * *

Пророки есть в Отечестве моём.
Вся правда нами сказана народу.
И мы предупреждали обо всём
тех, кто врагам вверялся год от году.

Кто зорок был — всё видел и без нас.
Кто слух имел — тот нас давно услышал.
Кто жил дрожа — смешон в бессчётный раз.
Тот проиграл, кто с нами в бой не вышел.

Моральный гнёт густеет с каждым днём
и сам собой рассеется едва ли.
Мы двадцать с лишним лет **предупреждали**.
Пророки есть в Отечестве моём.

23 ноября 2011

УРОД

Зачем ты жил на этом свете,
урод с пятнистой головой?
Страны погубленные дети
стоят стеной перед тобой.
Страна руинами заводов
явила миру *чудный вид*,
в эфире сонмище уродов,
тобой рождённых, голосит.
Страна — зияющая рана.
Народ — кто в бой, кто на убой...
И что-то шамкает с экрана
урод с пятнистой головой.

30 декабря 2011

* * *

Ты была или только приснилась —
воплощенье земной красоты?..
Как небесная высшая милость,
как сиянье безумной мечты.

Идеал и восторг совершенства...
Ненасытных ночей благодать...
Нет на свете прекрасней блаженства,
чем тобой, хоть на миг, обладать.

Ты явилась в короне всевластья
и растаяла, словно туман,
лишь остался дыханием счастья
на губах этот сладкий обман.

Ни забыть невозможно, ни вспомнить
без тоски этот сон, этот май...
И никем, и ничем не восполнить
безвозвратно потерянный рай...

30 января 2012

* * *

Взойдёт Солнце правды и исцеление в лучах Его...
Ветхий Завет. Малахия; 4;2

Был больным этот мир, пребывая впотьмах,
обречённый на смертное тленье.
Солнце правды взошло, и в горячих лучах
было миру дано исцеленье.
Но восстали растленные силы в ночи,
небо ясное дымом затмили
и сияющей правды живые лучи
на искусственный свет заменили...

2 февраля 2012

ФЕВРАЛЬ

Искрящийся снег уходящей зимы...
Лыжня через лес, через поле...
Как часто себе удивляемся мы,
с природой сливаясь на воле.

Морозное солнце и белый простор
окованы синим простором.
Деревьев и церкви слепящий узор
дрожит под слезящимся взором.

Так славно и сладко себя разогреть
лыжни разухабистым бегом!
И рвется душа жаворóнком взлететь,
чтоб трелью раздольной с небес прозвенеть
над ярким искрящимся снегом...

9 февраля 2012

* * *

И ныне Божий Сын унижен и распят.
«Что истина?» — спросил с усмешкою Пилат.

Философ, он не знал: она не «что», а «Кто».
Его глазам прозреть не помогло ничто.

Был в слепоте своей Пилат неумолим.
А Истина живьем стояла перед ним.

18 февраля 2012

* * *

Призрак отчаянья бродит
на безысходной войне...
Дети из жизни уходят
в этой угарной стране.

С этой паскуднейшей властью,
с этим никчемным царьком.
Детскому хрупкому счастью
этот враждебен дурдом.

Мы ясноглазыми были
в той коммуналке большой...
Что ж вы, скоты, сотворили
с некогда чудной страной!

10 апреля 2012

СИРЕНЬ

Опадает сирень, исчезает...
И вернулись на миг холода.
Майский день, словно жизнь, угасает,
погружаясь во мглу навсегда.

И от сорванной ветки сирени
вечер в комнате дышит тоской.
На твои, дорогая, колени
я прилягу колючей щекой.

И такую почувствую нежность
в невесомой, в горячей руке!..
Всех остывших ночей безутешность
просквозит по шершавой щеке.

Просквозит и слезинкой истает
под теплом чуть дрожащей руки...
Отцветает сирень, облетает
в терпких волнах весенней тоски.

17 мая 2012

СТИХИЯ

И гром и град, и гром и град!..
И я июньским ливням рад.
Идёт гроза, поёт гроза.
Блестят, светясь, мои глаза.

Поток небесный льёт и льёт,
град по карнизу дробно бьёт.
И, точно грозный басурман,
деревья ломит ураган.

Стихия дерзкая, она
еще свободна и сильна.
Чтоб мы, презрев небытиё,
учились жизни у неё.

13 июня 2012

* * *

Осыпался жасмин и лето поседело,
умолкли соловьи, пошёл на убыль день...
Опавший иван-цвет застыл осиротело,
и шепчет о былом угасшая сирень.

Как быстро жизнь течёт, как скоро отцветает!..
Мы со своей весной расстались насовсем...
Но где-то впереди нас тихо ожидает
остывшая любовь осенних хризантем...

28 июня 2012

* * *

Помню сибирский смертельный мороз,
помню тайги комариную пытку...
Там возмужал я и духом возрос,
гордость и горечь впитав до избытку.

В сердце осталась большая страна:
Мышкин, Тернополь, Елабуга, Тарту...
Возле костра трепетала струна,
волжская нежно плескалась волна...
Жить безоглядно хватало азарту.

Крым, Коктебель, голубая вода...
Рижский залив, штормовая стихия...
Помню то светлое время, когда
голосом Зыкиной пела Россия...

17 июля 2012

СОБАКИ-ПУССИ. ТАЧКИ. РУ

Страна иудиных господ.
С экрана ржёт срамной урод.
И рваный «бесик» на ветру...
Собаки-пусси. Тачки. Ру

Уже сам чёрт не разберёт,
какой в Москве народ живёт.
И морда «Ксюши» на юру...
Собаки-пусси. Тачки. Ру

Таджик метёт, узбек снуёт,
еврей в эфире бред жуёт.
И пёс Доренко поутру...
Собаки-пусси. Тачки. Ру

И рваный «бесик» на ветру,
и морда «Ксюши» на юру,
и пёс Доренко поутру...

Нет, не зову я к топору.
Но взгляд упал на кобуру.

19 июля 2012

«Бесик» — жаргонное название масонского «демократического» трехцветного флага.

* * *

Макушка лета. Время золотое.
Им, словно детством, дорожит душа.
Идёшь в поля, в пристанище покоя,
и до заката бродишь не спеша.

Благоухают ароматом травы,
жужжат шмели, мелькают мотыльки...
От суеты и от недоброй славы
в полях спасаюсь, в парках, у реки...

Себе внушаю: помнить зла не надо.
Смотрю, как блещет алый небосклон.
Июльский вечер. Нежная прохлада.
И отдалённый колокольный звон...

25 июля 2012

* * *

Вячеславу Душкину

Похолодало, друг, похолодало,
иссякли наши солнечные дни.
И мы уже не рвёмся, как бывало,
догнать заката яркие огни.

Похолодало, друг, похолодало.
В природе вечной так заведено.
И нет желанья жизнь начать сначала,
она другой не станет всё равно.

Похолодало, друг, похолодало.
Но время наше всё ж не истекло.
Мы сбережём во что бы то ни стало
души и глаз последнее тепло.

21 августа 2012

ПРОВОДЫ

Только день прошёл, но помню смутно,
чем вчера я сердце утешал...
Было зябко мне и неуютно,
я в дорогу лето провожал.

И оно ушло бесповоротно
в непроглядный сумрачный туман.
И шумели сосны беззаботно,
и молчал небесный океан.

А сегодня вечер грустно-светел,
в парке пруд сияет, как стекло.
И никто, как будто, не заметил,
то что лето вновь от нас ушло...

1 сентября 2012

* * *

Бога об одной просил награде.
Ждал одной любви до седины.
Всё отдал, со всем расстался ради
высоты духовной глубины.

Этот свет сберёг в себе до гроба.
Были вопли недругов смешны —
не слышна была чужая злоба
в небесах духовной глубины.

Должен был и смог не оступиться,
встав на самом гребне крутизны,
чтобы не упасть и не разбиться
с высоты той самой глубины.

23 сентября 2012

* * *

Пришла, взглянула и сразила,
вонзилась в сердце, как игла.
Не мог понять я, что за сила
в плен безрассудный забрала.

Тот плен был чудом невозможным
(тот сладкий, тонкий, райский сон),
обманным, хрупким, безнадёжным,
каким в любви нисходит он.

Я знал, что этот сон растает,
что я один останусь вновь.
Любовь счастливой не бывает.
Иначе это не любовь.

25 сентября 2012

* * *

Заливают страну чернотой
интерзвери отъявленной масти,
либервотные тролли во власти
измываются над страной.

И плодит чернота черноту.
С властью троллей ее не убудет.
Мы вот-вот переступим черту,
за которой спасенья не будет.

Бьёт уже через край чернота,
всё пространство России накрыла.
...С вожделением чёрное рыло
за добычей следит из куста...

Русских мстителей нет ни черта.

11 октября 2012

* * *

Не жалей ты листья, не жалей...
Н. Рубцов

Пусть на деревьях редеет листва.
Листья жалеть ни к чему.
Больно бросать золотые слова
в сонную мёртвую тьму.

Был я весёлым, красивым, шальным,
сильным и щедрым в любви.
Смелость вела по дорогам крутым,
страсть бушевала в крови.

Ясность живую глаза сберегли.
Сердце сумело остыть.
Те, кто любили меня, не могли
блеск этих глаз позабыть.

Лягут слова золотые под спуд,
чтоб не вернуться ко мне.
Те, кто любили меня, не дадут
им потеряться во тьме.

26 октября 2012

* * *

Во власти скорого мороза
истает неприметный час:
в последний раз вздохнёт берёза,
и осень скроется от нас.
Лишь на мгновенье взгляд остудит
скупого утра полумгла.
И каждый с лёгкостью забудет,
какой она для нас была.
Забудем в сумрачной квартире
улыбку поздних хризантем...
Мы будем жить, как будто в мире
ее и не было совсем...

29 октября 2012

ЖИЗНЬ

Я жил на белом свете
во времена лихие,
родившийся для смерти,
как многие другие.

Пускай счастливым не был,
но был храним судьбою.
Что я искал под небом?
О чём мечтал с тоскою?

Искал любви высокой,
мечтал о русской силе
и с горечью глубокой
я думал о России.

В стихи, в дела и в мысли
уйдут земные годы,
на звёздном коромысле
души сомкнутся своды.

С бытийной круговерти
сойду без шумной тризны.
Родившийся для смерти,
умру для вечной жизни.

12 ноября 2012

* * *

Застыв, молчит бесснежный
ноябрьский голый лес.
Смотрю душой мятежной
в сырую мглу небес.
Бесцветная погода,
неясный, серый день,
в разводах небосвода
змеится светотень...
И я душой мятежной
смотрю за горизонт,
где вьётся неизбежной,
свистящей вьюги фронт.
Она нагрянет скоро,
развеяв серость дней.
Опавших листьев свора
взметнётся вслед за ней,
рассеется и сгинет
в метельной белизне...
Я знаю, не остынет
мятежный дух во мне.
А лес хранит молчанье,
он впал в покорный плен
в тревожном ожиданье
грядущих перемен.

18 ноября 2012

Эпиграммы, пародии, экспромты

НЕ ФИНТИТЕ ДЛЯ ПОНТА

Молодой и совсем некурящий,
Отрастивший для понта усы,
Я вдыхаю всей грудью пьянящий,
Возбуждающий запах весны.

...С этой женщиной вы не финтите —
Не напрасно **ей** муж дорожит.
На груди у нее Нефертити
Из блестящей пластмассы лежит.

Александр Шаталов

Молодой, некурящий, непьющий,
прибалдевший слегка от стихов,
я вдыхаю всей грудью влекущий,
возбуждающий запах духов.
Этой женщине есть чем гордиться:
на груди у *ей* что-то блестит.
Нет, не может она ошибиться
и мужчину во мне разглядит.
Чтоб заметнее стать в многолюдье,
отпустил я для понта усы, —
и вдыхаем мы с ней *всейной* грудью
возбуждающий запах весны.
Эта женщина — как Нефертити,
не напрасно я *ей* дорожу.
Вы при *нею* со мной не финтите,
а не то — ее мужу скажу.

1984

* * *

(Экспромт)

Мужчины, бойтесь геморроя!
В метро вам лучше ездить стоя.
Ведь ваших органов застой
для вас опасней, чем запой.

1984

* * *

Косноязычен и бездарен,
чужих не отвергает спален,
любитель толстых, старых кляч,
зато — талантливый стукач.

1984

ПАРОДИСТУ А. ИВАНОВУ

Торчит на сцене, точно глист,
зовётся всеми — пародист.
Как солитёр в заду больном,
он стихотворным сыт дерьмом.

1987

* * *

Не вертел я гаек на КамАЗе
И на Атоммаше не строгал...
Имярек

Не вертел он гаек, не строгал...
Но стихи бездарные слагал.
Про КамАЗ, про Атоммаш, про Бам...
Дать бы графоману по зубам!
И послать бы на год за Урал,
чтобы попилил и построгал...

1987

С. РАССАДИНУ

Раньше все его статьи
были жвачной тягомотиной.
Стали в наши дни они
то поносом, то блевотиной.

1988

* * *

Непримиримы и суровы
две критикессы Ивановы,
и однолико бестолковы
статьи, что пишут Ивановы.

1988

Ю. КУЗНЕЦОВУ

Твои стихи грубы и холодны.
Я знаю, в этом нет твоей вины.
Лишь Провиденья высшего вина
в том, что душа — груба и холодна.

2 июля 1989

ТРУСЛИВОМУ АНОНИМУ

Когда изгоните евреев...
Тогда озлобленный подон
Перегрызет своим же глотки...
А.Ю., «Апрельинформ», №1

Неблагодарность — агрессивна
и так труслива в горький час.
Всё стерпит бедная Россия,
спасавшая бессчётно вас.
Где вас и вправду в шею гнали,
там ваших слов укора нет,
теперь вы вспомните едва ли
виновников еврейских бед.
Но кто вас гонит из России,
безмерно ненавистной вам?

Быть благодарным — некрасиво
к чужим и чуждым вам гробам...
Но вы туда бежите сами,
где жизнь богаче и сытней,
и визы ждёте месяцами
в чаду густых очередей.
Да, было время: брат на брата,
мы поднимались, млад и стар.
Но кто толкал нас в тот пожар?
И кто раздул его когда-то?..
Ну что ж, злорадствуй, аноним,
известный низостью коварной,
пустой, ничтожный и бездарный —
нигде не станешь ты другим.
Тобой оплеванный народ
тебя, конечно, не услышит,
он, не надейся, не умрет —
несчастья все переживет
и станет в них добрей и выше.

1990

ГЕНЕРАЛУ ЛЕБЕДЮ

Для врагов генерал-либерал
голоса избирателей выкрал.
В Приднестровье войну он не выйграл,
и в Чечне он войну проиграл.

1996

АВТОПАРОДИЯ

> Жалкий затурканный сброд
> молча поляжет в гробы.
> Лишь патриоты — народ.
> Все остальные — рабы.
>
> *Автор*

Возле парнасских высот
вертится всякая срань:

мелкий, бессмысленный сброд,
бездари, трусы и пьянь.

В горечи прожитых лет
многим понятно давно:
только Хатюшин — поэт,
все остальные ... — оно.

19 августа 2000

ШУСТРОПОЗНЕРЫ И ПОЗДНОШУСТЕРЫ

Нынче грозный, завтра шустрый,
то ли Познер, то ли Шустер.
Из каких они родов?
Неужели из жидов?

Нынче Шустер, завтра Познер.
Пусть бегут, пока не поздно.
Или скоро на обед
их голодный съест скинхед.

11 ноября 2001

НА СЛУЖБЕ

(Р.Казаковой)

Америка, поставленная раком...
«Возмездие», 2001

Греховный путь желая замести,
на службе у еврейства мирового,
надумала Америку спасти
поставленная раком Казакова*.

26 ноября 2002

---

* Римма Казакова, прочитав на телеканале «Культура» моё стихотворение «Возмездие», возопила: «Куда смотрит прокуратура?!»

* * *

Народ стал пасынком для власти,
стал неприкаянным народ.
А власть — всё больше рыжей масти,
и во главе ее — урод.

2002

* * *

Плыл по течению за всеми,
слыл неуклюжим эпигоном
и, нахватав по блату премий,
остался мелким пустозвоном.

По блату став лауреатом,
он переплюнул многих в этом.
Ему возможно стать богатым,
но недоступно быть поэтом.

29 ноября 2002

М. ШУТОВУ

Наравне с безумным веком
жить в поэзии непросто.
Был пещерным человеком,
стал дремучим «Холокостом»*.

30 ноября 2002

ГЛАВРЕДУ ЖУРНАЛА «ПОЭЗИЯ»

От журнала Котюкова
толку нету никакого.
Коль в журнале «Рейтинг» слаб,
в ЦДЛ не снимешь баб.

30 ноября 2002

* Написав поэму под названием «Холокост», М.Шутов спрашивал у знакомых поэтов: «А что такое холокост?»

А.ШАВКУТЕ И Ю.ПЕТРОВУ

(Пьющим прозаикам)

Мы все умеем пить с тоски.
Но чтобы под столом валяться!..
Поберегли бы вы мозги,
они России пригодятся.

30 ноября 2002

ПОДОБНО ЛЬВУ

Уподоблюсь Котюкову —
перейду на кока-колу,
и тогда, подобно Льву,
сорок премий оторву.

4 декабря 2002

* * *

(Экспромт)

Его стихи — как залп «Катюши»:
крупнокалиберны, убойны.
Пока врагов громит Хатюшин,
поэты могут быть спокойны.

29 ноября 2003

ТЕНЬ ОТ ДЫМА

Тютчев смотрит с земли на небо, но не видит души Денисьевой. А моя поэма видит и его женщину, и тень от дыма при луне. Так чей уровень выше?

Ю.Кузнецов («Завтра», 2003, №33)

Любить себя — запретов нет.
К чертям препоны и запреты!
Какой там Тютчев? Что там Фет?
Второстепенные поэты...

23 августа 2003

КРИТИКУ О. ДОРОГАНЮ

У Данте девять кругов ада. У Кузнецова — такая метабездна, где ярусы неуловимо переходят друг в друга, где «ад погружается в Ад»...

...Это бездна ущербных образов изначальных людей-нелюдей...

...В духовной бездне и заключена природа творчества...

О.Дороган («День литературы», 2003, №8)

1
В пиитической безбожности
светлой правды не найдешь.
Не ищи прозрений в сложности,
в слове «сложность» корень «ложь».

2
В луже тоже мнится бездна,
но во мгле она беззвездна.
Порождает сердца тьма
бред холодного ума.

23 августа 2003

В. БОНДАРЕНКО

(Главреду «Дня литературы»)

Валерий Хатюшин... не заменит Юрия Кузнецова.

В.Бондаренко («Завтра», 2003, №33)

Дай нам Бог на этом свете
кубок жизни СВОЙ допить.
Лишь тебе дано в газете
всех собою заменить...

30 августа 2003

ЧЕРЕП

Не пей из черепа отца —
не приближай к нему лица.
Блеснёт глазницами отец —
и ты поймешь: тебе...

1 сентября 2003

ОТВЕТ ЮРИЮ ЛОПУСОВУ

1. Одноголовый

Прозаик, критик и поэт...
Три головы, а мозга нет.
Ю.Лопусов
(«Моск. литератор», 2003, №21)

В своих безделках мелкорыночных
ты ничего не скажешь нового.
Одноголовые Горынычи
глупей в три раза трехголового.

2. Душевное послание

Прозаик, критик и поэт...
Три головы, а сердца нет.
Ю.Лопусов
(«Поэзия», 2003, №3-4)

Ты над строкой корпишь усердно,
так поразмысли не спеша:
для нас важней не мозг, не сердце,
творить способна лишь ДУША.

3. Не хило

Ты угостил меня текилой.
Напиток, я скажу, не хилый.
Ты замолить решил при всех
свой пародийный мелкий грех.

30 октября 2003

И. ГОЛУБНИЧЕМУ

(Главреду «Московского литератора»)

...Главным и неприкосновенным в этой системе является Имя «священной коровы» как таковое.
И.Голубничий («МЛ», 2003, №24)

1
Его священные коровы —
Прохановы и Кузнецовы.

Но, о себе поведать струсив,
он знает: всех священней Гусев.

2
Есть конформисты по призванию,
есть конформисты по незнанию,
есть — по трусливой осторожности,
он — конформист по мелкой должности.

3
Он завязал давно и всё ж
в хмельных парах завяз всецело,
он ловит кайф от пьяных рож,
торча в буфете ЦДЛа.

15 декабря 2003

ПРОФЕССОРУ В. ГУСЕВУ

1
Владимир Гусев — либерал,
он сам себя переизбрал.
Писатели, уймите страсти,
он лучше знает ***цену*** власти.

2
Профессор не слывет брезгливым,
он водку запивает пивом.
Из собственного кабинета
он сделал филиал буфета.

15 декабря 2003

* * *

Вертит задом Матвиенко,
словно пляшет «летку-енку».
Сколько сбросил прошлый век
в пропасть этих Матвиенк!

Декабрь 2003

* * *

И опять Зюганов Гена
влезет в Думу непременно.

Нам до лучших перемен
не дожить от этих Ген.

Декабрь 2003

М. ЗАМШЕВУ

(Заместителю И.Голубничего)

1
Пострел, он смотрит далеко.
Он лести выучен сызмальства.
Он ценит очень высоко
литературное начальство.

10 февраля 2004

2
В лизоблюдстве преуспев,
к власти прет с напором трактора
заместитель шеф-редактора
или попросту — замшеф...

26 октября 2004

ХВОСТ

Котюков — мужик не прост,
бороды не носит он,
но вот сзади вырос хвост
под названьем Осипов.

11 февраля 2004

ИХ СЛАБОСТЬ

«Премии — это моя слабость...»
Л.Котюков (из разговора)

Литературные полтинники —
на каждый месяц именинники,

а с ними бывшие полковники,
как неразлучные любовники,
связав себя с любыми датами,
венчаются лауреатами.

15 февраля 2004

ПОЭТУ В. СМИРНОВУ

Остепенись, рифмач прилежный,
журналы массой не тарань,
не убивай мои надежды,
не графомань!

2 апреля 2004

СТУКАЧИ

Длинней в буфете нет ушей,
чем уши бывших алкашей.
И млеют, ножками суча,
Два цэдээльских стукача.

23 апреля 2004

ПРО НИХ ЖЕ

Два возгордившихся балбеса —
смешные жертвы политеса.

2004

В. БОНДАРЕНКО

Ты с жабой лань связать готов.
Но конформизма не наладишь.
Как ни облизывай жидов —
презренья общего не сгладишь.

29 мая 2004

ОБЛАДАТЕЛЮ БОЛЕЕ 40 ПРЕМИЙ

Много есть в поэзии обманов,
всё же это — редкостный обман.
Он из всех российских графоманов
самый премиальный графоман.

24 июня 2004

В. БОНДАРЕНКО

> Сколько бы Валерий Хатюшин ни ходил в церковь, он никогда не достигнет уровня Юрия Кузнецова.
> *В.Бондаренко («Завтра», 2004, №23)*

Служа неведомому богу,
ты Провиденье не обманешь.
Да ты ходи хоть в синагогу,
а всё ж писателем не станешь.

24 июня 2004

В. СИЛКИНУ

Он генеральский отрастил живот,
готов лизнуть и русским, и евреям,
но для поэтов этот бегемот
остался мелким, рядовым плебеем.

25 июня 2004

КОЗЛИК В СМЕТАНЕ

(Ю.Полякову — главреду «Литгазеты»)

В приспособленьи — всех хитрей,
карьеру сделал на подлянке.
Замаскированный еврей,
лукавый выкидыш Лубянки.

21 ноября 2004

СЕРБУ НЕВЕЛИКОМУ

(Н.Сербовеликову)

Его стихи — как пресный блин,
я прочитал их трём китайцам,
два промолчали, но один
ответил: «Как Сербом по яйцам».

22 ноября 2004

СОСУНКИ

(Голубничему и Замшеву)

К сиськам гусевско-бояринского клана
присосались два ехидных графомана.
Нынче это — ожиревшие коты,
ну а завтра — оборзевшие скоты.

9 июля 2005

БРОД ИМ В ГРЫЗЛО

(А.Броду — директору МБПЧ)

Весь российский подлый сброд
представляет некто Брод.
И вольготно с этим Бродом
Всем подонкам и уродам.

Август 2005

И. ГОЛУБНИЧЕМУ

Приспособленец-карьерист,
друзей предавший ради кресла,
сгубивший душу атеист,
спасающий гнилые чресла.

14 октября 2005

«ГЕОРГИЮ КОСЦОВУ»

(В.Гусеву)

Ни личности, ни светлости,
в мозгах — распад и тление.
Черта его оседлости —
«Московское правление».

28 ноября 2005

В. БОЯРИНОВУ

Поэт, обласканный властью,
перестаёт быть поэтом.
В.Бояринов
(«Московия литературная», 2005, №6)

Ему известна власти сласть,
он в этой сласти не истаскан.
Он оттого пошёл во власть,
что властью мало был обласкан.

12 декабря 2005

ЗАБОЛЕВШИЙ ГУСЬ

У московского Гуся
посинела рожа вся.
Видно, он от грязных дел
птичьим гриппом заболел.

14 марта 2006

В. ОГРЫЗКО

(Главреду «Литроссии»)

У ничтожной Огрызки
вырос прыщ на пиписке.
Был он подлым хлыщем,
стал же — полным прыщем.

8 апреля 2006

АНДРЕЮ ОБЛОГУ

(Экспромт)

В ЦДЛ Андрей Облог
обложил всю пьянь налогом,
и отныне сей налог
называется «облогом».

8 декабря 2006

ГУСИ

Друг дружке премии вручают,
им кто-то звания дарует,
они оттуда исключают,
чего давно не существует.

23 марта 2007

М. ЗАМШЕВУ

Бездарен, как пустой стакан,
живуч, как пробка от графина,
гундит замшелый графоман
с физиономией раввина.

18 июня 2007

* * *
(Экспромт)

Как поэт он мелковат,
как редактор — туповат,
и в любом серьезном деле —
трусовато-подловат.

28 октября 2007

НЕ ПРОЛЕЗЛИ

(В 2007 году Голубничий и Замшев баллотировались в Думу от КПРФ)

Собрались во власть не срамши вы,
Глубничие и Замшевы.

Вам — карьеру делать заново
через задницу Зюганова.

4 декабря 2007

СКУЛЬПТОРУ Н.А. СЕЛИВАНОВУ

(Экспромт)

Он могуч, как семь Иванов,
русский скульптор Селиванов.
Знать, из крепких был крестьян
давний предок Селиван.
Нет его стволу износу.
Мужика видать по... носу!

8 сентября 2009

ОПЯТЬ НЕ ПРОЛЕЗЛИ

(В 2011 году Голубничий и Замшев снова баллотировались в Думу от КПРФ)

Вновь пошли во власть не срамши вы,
Голубничие и Замшевы.
Не пролезли шкурки заново
через задницу Зюганова.

5 декабря 2011

ГАЛЕРИСТУ ГЕЛЬМАНУ

Мы такого биеннале
в жизни сроду не видали:
у России на виду
в рожу плюнули жиду*.

21 мая 2012

---

* В Краснодаре на открытии выставки т.н. «артискусства» священник плюнул в физиономию М.Гельману, и это затем неоднократно было показано по телевидению.

* * *

(Экспромт)

Не умён и не дурак,
в прозе тоже не мастак,
что с похмелья ни сварганит, —
всё не этак и не так.

23 мая 2012

БУФЕТНЫЙ ФИЛОСОФ

(Эдуарду Балашову)

Как евреи свалились на землю с Луны —
он расскажет без лишних вопросов.
Он с собой уведёт в сумасбродные сны...
Говорят, на закуску поел белены
Цэдээла буфетный философ.

24 июля 2012

СТИХОТВОРЦУ А. ДЕМЕНТЬЕВУ

Подписант расстрельного письма
и семитским кланом управляем,
он весьма породист и весьма
в пустоте своей непотопляем.

16 августа 2012